

ИЗБРАННЫЕ ПОСТАНОВЛЕНИЯ БОЛЬШОЙ ПАЛАТЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

Дело «Беда (Bédát) против Швейцарии»¹

(Жалоба № 56925/08)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ²

г. Страсбург, 29 марта 2016 г.

По делу «Беда против Швейцарии» Европейский Суд по правам человека, заседая Большой Палатой в составе:

Мирьяны Лазаровой Трайковской, *Председателя Большой Палаты*,

Дина Шпильманна,
Йозепа Касадеваля,
Луиса Лопеса Герра,
Марка Виллигера,
Элизабет Штайнер,
Ханлара Гаджиева,
Паиви Хирвеля,
Кристины Пардалос,
Анны Юдковской,
Винсента А. де Гаэтано,
Юлии Лаффранк,
Хелены Келлер,
Пола Махони,
Алеша Пейхала,
Кшиштофа Войтычека,
Эгидиуса Куриса, *судей*,

а также при участии Лоренса Эрли, *юрисконсульта Европейского Суда*,

рассмотрев дело в открытых заседаниях 13 мая 2015 г. и 20 января 2016 г.,

вынес в последнюю указанную дату следующее Постановление:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано жалобой № 56925/08, поданной против Швейцарской Конфедерации в Европейский Суд по правам человека (далее – Европейский Суд) в соответствии

со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция) гражданином Швейцарии Арно Беда (Arnaud Bédát) (далее – заявитель) 7 ноября 2008 г. Изначально имя заявителя было скрыто за инициалами А.В., но впоследствии он согласился сообщить свое имя.

2. Интересы заявителя представляли Ш. Понсе (C. Poncet) и Д. Хоффманн (D. Hoffmann), адвокаты, практикующие в г. Женеве. Власти Швейцарии были представлены Представителем Швейцарии при Европейском Суде Франком Шюрманном (Frank Schürmann), сотрудником Федерального управления юстиции Швейцарии.

3. Заявитель утверждал, что штраф, назначенный ему в рамках производства по уголовному делу за то, что он опубликовал сведения, составляющие тайну следствия, нарушал его право на свободу выражения мнения, гарантированное статьей 10 Конвенции.

4. Жалоба была передана на рассмотрение Второй Секции Европейского Суда (пункт 1 правила 52 Регламента Суда). 1 июля 2014 г. Палата, созданная в рамках Второй Секции, в следующем составе: Гвидо Раймонди, Ишиль Каракаша, Андраша Шайо, Небойши Вучинича, Хеллены Келлер, Пауля Лемменса и Роберта Спано, судей, а также при участии Абеля Кампоса, заместителя Секретаря Секции Суда, – вынесла Постановление (см. Постановление Европейского Суда по делу «А.В. против Швейцарии» (A.V. v. Switzerland) от 1 июля 2014 г., жалоба № 56925/08), в соответствии с которым Палата объявила жалобу приемлемой для рассмотрения по существу и постановила четырьмя голосами «за» и тремя – «против», что имело место нарушение статьи 10 Конвенции. К Постановлению Палаты прилагалось совместное несовпадающее особое мнение судей Ишиль Каракаш, Хеллены Келлер и Пауля Лемменса.

9 сентября 2014 г. власти Швейцарии ходатайствовали о передаче дела на рассмотрение Большой Палаты в соответствии со статьей 43 Конвенции. 17 ноября 2014 г. коллегия, созданная в рамках Большой Палаты, удовлетворила данное ходатайство.

5. Состав Большой Палаты был определен в соответствии с положениями пунктов 4 и 5 статьи 26 Конвенции и правила 24 Регламента Суда.

6. Заявитель и власти Швейцарии подали дополнительные письменные объяснения (пункт 1 правила 59 Регламента Суда).

7. 13 мая 2015 г. во Дворце прав человека в г. Страсбурге состоялось открытое слушание по настоящему делу (пункт 3 правила 59 Регламента Суда).

В Европейский Суд явились:

(а) со стороны властей Швейцарии:

¹ Перевод с английского языка Е.Г. Кольцова.

² Настоящее Постановление вступило в силу 29 марта 2019 г. в соответствии с пунктом 1 статьи 44 Конвенции (*примеч. редактора*).

Ф. Шюрманн, начальник отдела международной защиты прав человека Федерального управления юстиции Швейцарии, *Представитель Швейцарии при Европейском Суде*,

Д. Штайгер Лойба (*D. Steiger Leuba*),

Ф. Галли (*F. Galli*),

П. Ронер (*P. Rohner*), советники;

(b) со стороны заявителя:

Ш. Понсе,

Д. Хоффманн, представители.

Европейский Суд заслушал выступления Понсе, Шюрманна и Хоффманна, а также ответы Понсе и Шюрманна на заданные им судьями вопросы.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

8. Заявитель по настоящему делу является профессиональным журналистом. 15 октября 2003 г. он опубликовал статью в еженедельном журнале «Лилюстре» (*L'Illustré*) под названием «Трагедия на мосту Гран-Пон в Лозанне: версия шофера-лихача – допрос безумного водителя» (*Drame du Grand-Pont à Lausanne – la version du chauffard – l'interrogatoire du conducteur fou*). Данная статья касалась производства по уголовному делу, возбужденному в отношении М.В., водителя, заключенного под стражу после дорожно-транспортного происшествия, произошедшего 8 июля 2003 г., в ходе которого он на своем автомобиле врезался в группу пешеходов, а затем упал с моста Гран-Пон. Это происшествие, в результате которого погибли три человека и еще восемь получили ранения, вызвало много эмоций и вопросов по всей Швейцарии. Статья начиналась следующим образом:

«Фамилия: В. Имя: М. Родился 1 января 1966 г. в г. Таманрассете (*Tamanrasset*) в Алжире в семье В.В. и F.I., проживает в г. Лозанне, имеет водительское удостоверение категории C, женат на М.В. Профессия: помощник медицинской сестры... Вторник 8 июля 2003 г., 20.25... скромное помещение Лозаннского управления криминальной полиции. Через шесть часов после бессмысленной трагической гонки по мосту Гран-Пон, с тремя погибшими и восемью ранеными лихач впервые остался наедине с тремя следователями. Создается ли он? В действительности, судя по всему, он не до конца понимает происходящее, как будто события и волнения этого дня не имели к нему никакого отношения. Человек, взбудораживший всю Лозанну, в этот прекрасный летний день не особенно разговорчив. Замкнут, сосредоточен на самом себе, непостижимый, почти непроницаемый алжирец. И в то же время на него сыпятся вопросы. “Каковы причины этого “происшествия?””, – довольно неловко спрашивает один из полицейских, как если бы обвинительный приговор уже был вынесен. Ответ уместается в три слова: “Я не знаю”¹».

9. Далее в статье описывались вопросы, заданные полицейскими и следственным судьей, и ответы М.В. Также в статье было написано, что М.В. были «предъявлены обвинения в совершении предумышленного убийства (*assassinat*) и в качестве альтернативного варианта – убийства (*meurtre*), умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, угрозы для жизни третьих лиц и грубого нарушения правил дорожного движения», и что М.В. «не продемонстрировал раскаяния». Статья сопровождалась фотографиями нескольких писем, отправленных М.В. следственному судье. Заканчивалась статья следующими словами:

«Из своей тюремной камеры М.В. теперь не переставая пишет письма следственному судье... в начале срока своего заключения он хотел, чтобы ему вернули часы, принесли чашку для кофе, сухофрукты и шоколад. 11 июля, через три дня после происшествия, он даже ходатайствовал об условном освобождении на “несколько дней”. Немного позднее он умолял: “Я хотел бы позвонить своему брату в Алжир”. Наконец, 11 августа он сообщил, что принял “окончательное решение”: он отказался от услуг своего адвоката, М.В., ввиду “утраты доверия”. По прошествии двух дней еще одно письмо: не мог ли судья прислать ему Справочник коллегии адвокатов из кантона Во (*Vaud*), чтобы он мог найти себе нового защитника? Но со всей этой беспрестанной ложью, недомолвками, смесью наивности и высокомерия, забывчивости и милого безумия, характерными для всех его показаний, несомненно, М.В. делает всё, что в его силах, чтобы его нельзя было оправдать».

10. Также в статье содержалось небольшое резюме, озаглавленное «Он съехал с катушек...» (*Il a perdu la boule...*), и приводились показания супруги М.В. и его врача.

11. Из материалов дела следует, что статья заявителя не являлась единственной публикацией на тему трагедии на мосту Гран-Пон. Органы, проводившие расследование, сами решили проинформировать прессу о некоторых моментах следствия, вследствие чего еще одна статья была опубликована 11 августа 2003 г. в «Трибюн дё Жёнэв» (*Tribune de Genève*).

12. М.В. не подавал каких-либо жалоб на действия заявителя. Однако по инициативе прокурора в отношении заявителя было возбуждено уголовное дело по факту публикации секретных документов. В ходе расследования выяснилось, что одна из сторон, предъявившая к М.В. требования о возмещении убытков, сделала фотокопии материалов дела и потеряла одну из копий в торговом центре. Позднее неустановленное лицо принесло эту копию в редакцию журнала, которая и опубликовала спорную статью.

13. 23 июня 2004 г. следственный судья г. Лозанны вынес постановление, в соответствии с которым заявитель был приговорен к одному году лишения свободы с условным освобождением от отбывания наказания сроком на один год.

¹ Так в тексте Постановления. В оригинале же «четыре слова»: «La réponse tient en quatre mots: “Je ne sais pas”» (примеч. переводчика).

14. Заявитель обжаловал указанное постановление в Лозаннский полицейский суд, который 22 сентября 2005 г. своим решением заменил лишение свободы штрафом в размере 4 000 швейцарских франков (приблизительно 2 667 евро). На открытом слушании, проведенном 13 мая 2015 г., отвечая на вопросы Европейского Суда, представитель заявителя сообщил, что сумма в размере 4 000 швейцарских франков была предварительно оплачена работодателем заявителя и что по завершении разбирательства в Европейском Суде заявитель собирался добиться компенсации этой суммы. Представитель заявителя также подтвердил, что полицейский суд установил размер штрафа с учетом предыдущей судимости заявителя.

15. Заявитель подал апелляционную жалобу по вопросам права. 30 января 2006 г. Кассационный уголовный суд кантона Во оставил его жалобу без удовлетворения.

16. Заявитель подал публичный иск и ходатайство об отмене приговора суда в Федеральный суд Швейцарии, который оставил их без удовлетворения решением от 29 апреля 2008 г., уведомление о вынесении которого было получено заявителем 9 мая 2008 г. В соответствующих частях указанного решения говорилось следующее:

«1. Резюмируя вышеизложенное, заявитель жалуется, что вынесение ему обвинительного приговора за нарушение статьи 293 Уголовного кодекса Швейцарии (далее – УК Швейцарии) противоречит федеральному законодательству. Заявитель не спорит, что опубликованные им данные попадают в сферу применения статьи 293 УК Швейцарии. В то же время он утверждает, что в соответствии с толкованием статей 32 и 293 УК Швейцарии в свете принципов применения статьи 10 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, сформулированных Европейским Судом по правам человека, что, получив эти данные добросовестно и без нарушения законодательства, в силу своего профессионального журналистского долга в соответствии со статьей 32 УК Швейцарии он обязан опубликовать эти данные ввиду того, что дело о так называемом мосте Гран-Пон представляло очевидный интерес для франкоговорящей части населения Швейцарии...

7.1. В соответствии со статьей 293 УК Швейцарии (“Опубликование секретных сведений, полученных в ходе государственных обсуждений”) лицо, которое, не имея соответствующих полномочий, раскрывает общественности целиком или частично содержание актов, расследований или обсуждений государственного органа, составляющих тайну в силу закона или решения этого органа, принятого в рамках его полномочий, наказывается штрафом (абзац первый). Пособничество наказуемо (абзац второй). Судья может освободить лицо от наказания, если опубликованные сведения, составляющие тайну, имеют малозначительный характер (абзац третий). В соответствии с судебной практикой данное положение явилось результатом развития формальной концепции тайны. Достаточно,

чтобы законом или решением государственного органа соответствующие акты, расследования или обсуждения были объявлены составляющими тайну, иными словами, чтобы было желание исключить их огласку, независимо от выбранной степени секретности (например, “совершенно секретно” или “конфиденциально”). С другой стороны, тайна в прямом смысле этого слова предполагает, что носитель информации, составляющей тайну, хочет сохранить ее в тайне, и что затронут правомерный интерес, а также что эти сведения известны лишь ограниченному кругу лиц либо лишь у ограниченного круга лиц имеется к ним доступ (ATF 126 IV 236, пункт 2а, с. 242 и пункт 2с/аа, с. 244). Положение дел не изменилось 1 апреля 1998 г. (RO [Recueil officiel, Официальное собрание федеральных законов] 1998852 856; FF [Feuille fédérale, Официальный бюллетень Швейцарской Конфедерации] 1996 IV 533), после вступления в силу абзаца третьего данного положения. Данное правило фактически касается не тайны в прямом смысле этого слова, а бесполезного, придирчивого или чрезмерного скрытничанья (ATF 126 IV 236, пункт 2с/бб, с. 246). Соответственно, для того, чтобы исключить применение третьего абзаца данной статьи, судья должен в первую очередь проанализировать причины отнесения информации к сведениям, составляющим тайну. Однако судья при этом должен проявлять сдержанность, не вмешиваясь в дискреционные полномочия органа, признавшего сведения составляющими тайну. Достаточно, чтобы признание сведений составляющими тайну оказалось обоснованным относительно содержания соответствующих актов, расследований или обсуждений. Кроме того, не имеет значения точка зрения журналистов по поводу интереса в опубликовании информации (ATF 126 IV 236, пункт 2д, с. 246). В Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу “Штоль против Швейцарии” (Stoll v. Switzerland) от 10 декабря 2007 г., жалоба № 69698/01) Европейский Суд подтвердил, что такая формальная концепция тайны не противоречила статье 10 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод в той мере, в которой она не препятствовала определению Федеральным судом Швейцарии того, соответствовало ли рассматриваемое вмешательство статье 10 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, оценивая в свете выполненного анализа абзаца третьего статьи 293 УК Швейцарии обоснованность признания определенных сведений составляющими тайну, с одной стороны, и сопоставляя вес затронутых интересов, с другой стороны (упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу “Штоль против Швейцарии”, §§ 138 и 139).

7.2. В настоящем деле преступление, в котором обвинялся заявитель, касалось опубликования протоколов допросов и переписки, которые содержались в материалах еще не закончившегося предварительного расследования.

В соответствии со статьей 184 Уголовно-процессуального кодекса кантона Во (CPP/VD) необходимо соблюдать тайну следствия вплоть до завершения расследования (см. абзац пер-

вый). Режим секретности распространяется на доказательства, собранные в ходе самого расследования, а также на принятые следователем решения и меры непубличного характера (см. абзац второй). В законе уточняется, что следующие лица должны соблюдать обязательство о неразглашении тайны следствия лицам, не имеющим доступа к материалам дела: судьи, работники судов (за исключением случаев, когда разглашение тайны способствует проведению расследования или оправдано соображениями общественного, административного или судебного характера; см. статью 185 CPP/VD), а также стороны по делу, их родственники и знакомые, представители и их сотрудники, консультанты и их сотрудники, эксперты и свидетели. Однако не наказуемо разглашение сторонами или их представителями сведений, составляющих тайну следствия, друзьям и родственникам (см. статью 185a CPP/VD). Наконец, закон предусматривает ряд исключений. Одним из исключений из правил, установленных статьей 185, является возможность следственного судьи кантона или – с разрешения последнего – судьи, отвечающего за предварительное расследование, или вышестоящих сотрудников полиции, специально назначенных Государственным советом кантона [*Conseil d'Etat*] (абзац третий статьи 168), информировать прессу, радио или телевидение о продолжающемся расследовании, если этого требуют интересы общества или соображения справедливости, особенно когда необходимо сотрудничество общества для раскрытия преступления, когда речь идет об особо серьезном или уже известном обществу деле или когда необходимо исправить ошибочную информацию либо успокоить общественность (см. абзац первый статьи 185b, CPP/VD).

Таким образом, настоящее дело касается сведений, составляющих тайну на основании закона, а не решения государственного органа.

7.3. По общему правилу причиной существования тайны следствия, предусмотренной уголовно-процессуальным законодательством большинства кантонов, является необходимость защиты интересов производства по уголовному делу и исключения возможности сговора и опасности изменения или уничтожения улик. Однако нельзя забывать и об интересах обвиняемого, особенно в свете презумпции невиновности, а также, говоря в целом, о его личных отношениях и интересах (см.: Хаузер, Швери и Хартманн. Уголовно-процессуальное право Швейцарии (*Hauser, Schwenk and Hartmann. Schweizerisches Strafprozessrecht*), 6-е изд., 2005, § 52, № 6, с. 235; Жерар Пикре (*Gérard Piquerez*). *Op. cit.*¹, § 134, № 1066, с. 678; Жерар Пикре. Уголовный процесс Швейцарии (*Procédure pénale Suisse*), Учебник, 2-е изд., 2007, № 849, с. 559 *et seq.*²), а также о необходимости защищать процессы формирования мнения и принятия решения государственным органом, которые охраняются статьей 293 УК Швейцарии (ATF 126 IV 236, пункт 2с/аа, с. 245). Европейский Суд

ранее уже признавал, что такая цель сама по себе является правомерной. Речь идет об обеспечении авторитета и беспристрастности правосудия согласно терминологии, использованной в пункте 2 статьи 10 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, в котором также упомянута защита репутации и прав других лиц (см. Постановление Европейского Суда по делу “Вебер против Швейцарии” (*Weber v. Switzerland*) от 22 мая 1990 г., § 45, и Постановление Европейского Суда по делу “Дюпюи и другие против Франции” (*Dupuis and Others v. France*) от 7 июня 2007 г., § 32).

Кроме того, в той мере, в которой в оспариваемой публикации приводились выдержки из протоколов допросов обвиняемого и письма, направленные обвиняемым следственному судье, можно на законных основаниях признать данные сведения составляющими тайну путем запрещения доступа общественности к этим сведениям в соответствии с законодательством кантона Во. Данный вывод неизбежен, когда речь идет о протоколах допросов обвиняемого, поскольку публичный анализ таких документов до завершения расследования, до судебного разбирательства и в отрыве от контекста является недопустимым, если подобный анализ может повлиять на решения, принимаемые следственным судьей и судом, рассматривающим дело. Также этот вывод является единственно возможным применительно к письмам, которые обвиняемый отправил следственному судье и в которых акцент сделан на практических трудностях и критике его защитника (см. решение полицейского суда, пункт 4, с. 7). Мы могли бы подчеркнуть в этой связи, что из оспариваемой публикации, которую органы кантона не воспроизвели в своих решениях целиком, хотя они и ссылались на нее, и ее содержание не оспаривалось сторонами, следовало, что вышеуказанные практические трудности касались ходатайств о временном освобождении и доступе к личным вещам (письмо от 11 июля 2003 г.), о размещении в иной камере (письмо от 7 августа 2003 г.) и о разрешении на использование телефона (письмо от 6 августа 2003 г.). Несмотря на гарантию презумпции невиновности и выводы о характере заключенного, которые можно сделать на основании подобной переписки в рамках производства по уголовному делу, заключенный, свобода которого существенно ограничена, даже в отношении ежедневных действий, которые относятся к его частной, даже интимной, жизни, может ожидать от органа, ограничившего его свободу, защиты от предания огласке практических аспектов его жизни как лица, содержащегося под стражей, и лица, которому предъявлены обвинения (см. статью 13 Конвенции).

Следовательно, в настоящем деле информацию, опубликованную заявителем, в той мере, в которой она касалась содержания протоколов допросов обвиняемого и переписки его со следственным судьей, нельзя признать тайной, имеющей малозначительный характер, для целей абзаца третьего статьи 293 УК Швейцарии. При этом спорная публикация содержала элементы состава преступления, предусмотренного абзацем первым статьи 293 УК Швейцарии.

¹ *Op. cit.* (лат. сокращение от *opere citato*) – в цитируемом сочинении (*примеч. переводчика*).

² *Et seq.* (лат. сокращение от *et sequitur*) – и далее (*примеч. переводчика*).

7.4. Кроме того, рассматриваемую информацию можно признать тайной в прямом смысле слова, поскольку доступ к ней имел лишь ограниченный круг лиц (следственный судья и стороны разбирательства). Кроме того, следственный орган имел намерение хранить эту информацию в тайне, руководствуясь при этом не только правомочным интересом в неразглашении информации, но и соответствующей обязанностью, установленной Уголовно-процессуальным кодексом кантона, обоснование которой приведено выше (см. пункт 7.3).

7.5. Таким образом, остается рассмотреть лишь вопрос о наличии обстоятельств, исключающих виновность.

8. Коротко говоря, заявитель утверждает, что на нем как на журналисте лежала профессиональная обязанность (в соответствии со статьей 32 УК Швейцарии в прежней редакции) опубликовать рассматриваемую информацию ввиду того, что дело о так называемом мосте Гран-Пон представляло очевидный интерес для франкоговорящей части населения Швейцарии. Заявитель считает, что в свете европейской прецедентной практики следует исходить из того, что публикация в принципе является обоснованной, за исключением случаев, когда существует настоятельная социальная необходимость сохранять секретность. С точки зрения добросовестности статья 32 УК Швейцарии должна применяться к журналистам, которые не отвечают за неосмотрительность третьего лица и которые при получении информации не совершили каких-либо преступлений, не считая разглашения сведений, составляющих тайну, вследствие опубликования этих сведений. Наконец, по словам заявителя, способ публикации сведений не является применимым критерием.

8.1. По первому вопросу уголовный суд кантона установил, что, хотя инцидент, произошедший 8 июля 2003 г., обстоятельства которого, конечно, нельзя признать обычными, вызвал бурю эмоций в обществе, с точки зрения права он представлял собой обычное дорожно-транспортное происшествие с жертвами, и само по себе оно не имело очевидного интереса для общества. Нельзя сказать, что население Лозанны получило коллективную травму, оправдывающую успокоение граждан и необходимость информировать их о ходе расследования (см. обжалуемое решение, пункт 2, с. 9).

Действительно, дело о “мосте Гран-Пон” широко освещалось в средствах массовой информации (см. решение полицейского суда, пункт 4, с. 8, на который сделана ссылка в решении уголовного суда кантона (обжалованное решение, пункт В, с. 2)). Однако одного лишь этого обстоятельства, наряду с необычным характером инцидента, недостаточно для обоснования значительно интереса общества в опубликовании рассматриваемой конфиденциальной информации. За исключением случаев, когда интерес, возбужденный среди общественности освещением событий средствами массовой информации, может быть обоснован *per se*¹, этот интерес нельзя признать интересом общества в разглашении сведений,

составляющих тайну, поскольку в данном случае было бы достаточно привлечь интерес общества к определенному событию, чтобы оправдать последующее опубликование конфиденциальной информации, позволяющей поддерживать этот интерес. К тому же такой интерес общества явно отсутствует в случае опубликования писем. Как мы убедились выше (см. пункт 7.3), письма фактически были посвящены исключительно критике обвиняемым своего адвоката и таким практическим вопросам, как условное освобождение, доступ к личным вещам, перевод в другую камеру и использование телефона. Подобная информация не проливает свет на происшествие и обстоятельства, относящиеся к нему. Она касается частной и даже интимной сферы жизни лица, содержащегося под стражей, и сложно понять, какой интерес общества мог быть удовлетворен опубликованием этой информации, не считая тяги к вуайеризму. То же самое можно сказать о ходатайствах, которые заявитель подавал следственному судье в связи с выбором защитника. Что касается протоколов допросов, также неясно, какие политические вопросы или вопросы, представляющие интерес для общества, возникли бы или заслуживали бы публичного обсуждения, и кантональные органы прямо исключили факт причинения коллективной травмы, оправдывающей успокоение или информирование населения. Данный вывод, будучи не оспоренным заявителем в рамках публичного иска, имеет для суда обязательную силу (см. статью 277bis Федерального закона “Об уголовном правосудии”). При имевшихся обстоятельствах заявитель не продемонстрировал, в чем состоял “очевидный” интерес опубликованной информации для общества, и уголовный суд кантона нельзя упрекнуть в том, что согласно его позиции подобный интерес самое большее удовлетворял нездоровое любопытство.

8.2. Следующие два довода, озвученных заявителем, касались его поведения (добросовестность при доступе к информации и способ публикации сведений).

8.2.1. Прежде всего следует отметить, что статья 293 УК Швейцарии предусматривает наказание лишь за разглашение информации независимо от способа ее получения. Кроме того, даже в свете статьи 10 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод Европейский Суд не придает большого значения данному факту при рассмотрении вопроса о реализации заявителями своих обязанностей и ответственности. Определяющее значение имеет, скорее, факт того, что они не могли добросовестно утверждать, что не знали о наказуемости разглашения информации в соответствии с законом (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу “Штоль против Швейцарии”, § 144, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу “Фрессо и Руар против Франции” (*Fressoz and Roire v. France*), жалоба № 29183/95, *ECHR* 1999-I). В настоящем деле данный факт установлен (см. раздел В выше).

8.2.2. С другой стороны, способ публикации может сыграть более важную роль в контексте защиты свободы выражения мнения. Хотя Европейский Суд повторяет, что ни он, ни внутри-

¹ *Per se* (лат.) – сами по себе, по сути (примеч. переводчика).

государственные суды не должны подменять своим мнением позицию средств массовой информации относительно используемых журналистами методов сообщения информации, при сопоставлении поставленных на карту интересов он всё же учитывает содержание, использованную лексику и формат публикации, заголовков и подзаголовков (независимо от того, выбраны они журналистом или редакторами), а также точность информации (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Штолль против Швейцарии», §§ 146 *et seq.*, в особенности §§ 146, 147 и 149).

В настоящем деле уголовный суд кантона пришел к выводу, что стиль изложения, выбранный заявителем для своей статьи, показывал, что информирование общества о проведении государством расследования по уголовному делу не являлось его главной целью. Объективности был лишен уже заголовок статьи («допрос безумного водителя», «версия шофера-лихача»). Он предполагал, что, по мнению автора, дело было уже решенным в том смысле, что жертвы на мосту Гран-Пон были вызваны действиями не обычного автомобилиста, а «безумного» водителя, человека, к которому «события и волнения этого дня не имели никакого отношения». Напоследок журналист задавался вопросом о том, действительно ли водитель делает всё, что в его силах, чтобы «его нельзя было оправдать». Манера цитирования отрывков из протоколов допросов и воспроизведения писем, направленных обвиняемым судье, указывала на мотивы автора спорной статьи: он стремился к сенсационности, его *modus operandi*¹ сводился исключительно к удовлетворению относительно нездорового любопытства, которое каждый человек испытывает по отношению к подобным делам. Читатели этой крайне предвзятой статьи сформировали бы собственное мнение и предвзято и необъективно отнеслись бы к любым будущим решениям судов по настоящему делу без малейшего уважения к принципу презумпции невиновности (см. обжалуемое решение, пункт 2, с. 9 *et seq.*). Уголовный суд кантона пришел к выводу, что рассматриваемый фактор не свидетельствовал о том, что превалял интерес общества в получении информации. По данному вопросу уголовный суд кантона не в чем упрекнуть.

8.3. Заявитель также утверждал, что протоколы допросов и письма в любом случае были бы упомянуты в последующем открытом слушании по делу. В этой связи он делал вывод, что сохранение данной информации в тайне более не могло быть оправдано «настоятельной социальной необходимостью».

Однако возможное разглашение сведений, составляющих тайну следствия, на последующей стадии производства по делу, в частности, в ходе судебного разбирательства, к которому обычно применяется принцип гласности, не подрывает обоснованность недопустимости разглашения сведений о судебном расследовании, поскольку основной целью является защита процессов формирования мнения и принятия решений со стороны не только суда, рассматривающего дело, но и следственного органа, вплоть до момента завершения секретной стадии производства.

Кроме того, спорная публикация являлась далеко не нейтральной и не всесторонней, включала комментарии и оценки, которые представляли соответствующую информацию в особом свете, не оставляющем возможностей для состязательности сторон, которая является самой сутью судопроизводства.

8.4. Наконец, заявитель прямо не оспаривает размер назначенного ему штрафа. Также он не спорил с отказом в установлении ему испытательного срока, по истечении которого он был бы освобожден от уплаты штрафа (пункт 4 статьи 49 в прежней редакции во взаимосвязи с абзацем третьим статьи 106 в прежней редакции УК Швейцарии) в соответствии с законодательством Швейцарской Конфедерации. По вопросу определения весомости интереса в осуществлении вмешательства мы можем лишь отметить, что назначенный штраф, при установлении размера которого была принята во внимание предыдущая судимость заявителя, числившаяся за ним с 1998 года (ему был назначен штраф в размере 2 000 швейцарских франков за диффамацию и принуждение, от уплаты которого заявитель был бы освобожден по истечении двухлетнего испытательного срока), не превышал и половины размера ежемесячного дохода заявителя в рассматриваемое время (см. решение полицейского суда, пункт 1, с. 5), и ничто не предполагает, что статус фрилансера, который имел заявитель в момент вынесения решения судом первой инстанции, привел к значительному снижению его доходов. Также следует отметить, что штраф в размере 4 000 швейцарских франков не превышает установленного законом максимума (абзац первый статьи 106 УК Швейцарии в редакции, действовавшей до 31 декабря 2006 г.), и что максимальный размер штрафа был установлен законодателем более 30 лет назад и не пересматривался в вплоть до вступления в силу новой Общей части УК Швейцарии, в соответствии с которой сейчас размер штрафа составляет 10 000 швейцарских франков (абзац первый статьи 106 УК Швейцарии в редакции, действующей с 1 января 2007 г.). Кроме того, наказание за преступление, в совершении которого обвиняется заявитель, не препятствовало ему выражать свое мнение, поскольку наказание было назначено после опубликования статьи (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Штолль против Швейцарии», § 156). Принимая во внимание вышеизложенное и учитывая характер инкриминированного преступления (небольшой тяжести по классификации, предусмотренной в УК Швейцарии), размер штрафа и срок его назначения, неясно, каким образом наказание, назначенное заявителю, можно рассматривать как форму цензуры.

8.5. Из вышеизложенного следует, что заявитель разгласил сведения, составляющие тайну по смыслу абзаца первого статьи 293 УК Швейцарии, а также что отсутствуют обстоятельства, освобождающие его от уголовной ответственности. Обжалуемое решение не нарушает федерального законодательства при его толковании в свете положений Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, на которые ссылался заявитель».

¹ *Modus operandi* (лат.) – образ действия (примеч. переводчика).

II. СООТВЕТСТВУЮЩИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ШВЕЙЦАРИИ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА

А. УГОЛОВНЫЙ КОДЕКС ШВЕЙЦАРИИ ОТ 21 ДЕКАБРЯ 1937 Г. (В РЕДАКЦИИ, ДЕЙСТВОВАВШЕЙ ДО 31 ДЕКАБРЯ 2006 Г.)

17. Уголовный кодекс Швейцарии (в редакции, действовавшей до 31 декабря 2006 г.) в соответствующих частях предусматривал следующее:

«...Статья 39. Арест [arrêts]¹

¹ Арест является самым легким видом наказания, связанным с лишением свободы. Арест назначается на срок от одного дня до трех месяцев...

Статья 293. Опубликование секретных сведений, полученных в ходе государственных обсуждений

¹ Лицо, которое, не имея соответствующих полномочий, раскрывает общественности целиком или частично содержание актов, расследований или обсуждений государственного органа, составляющих тайну в силу закона или решения этого органа, принятого в рамках его полномочий, наказывается арестом или штрафом.

² Пособничество наказуемо.

³ Судья может освободить от наказания, если опубликованные сведения, составляющие тайну, имеют малозначительный характер».

В. УГОЛОВНЫЙ КОДЕКС ШВЕЙЦАРИИ ОТ 21 ДЕКАБРЯ 1937 Г. (В РЕДАКЦИИ, ДЕЙСТВОВАВШЕЙ С 1 ЯНВАРЯ 2007 Г.)

18. Уголовный кодекс Швейцарии (в редакции, действовавшей с 1 января 2007 г.) в соответствующей части предусматривает:

«...Статья 293. Опубликование секретных сведений, полученных в ходе государственных обсуждений

¹ Лицо, которое, не имея соответствующих полномочий, раскрывает общественности целиком или частично содержание актов, расследований или обсуждений государственного органа, составляющих тайну в силу закона или решения этого органа, принятого в рамках его полномочий, наказывается штрафом.

² Пособничество наказуемо.

³ Судья может освободить от наказания, если опубликованные сведения, составляющие тайну, имеют малозначительный характер».

С. УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ КОДЕКС КАНТОНА ВО ОТ 12 ДЕКАБРЯ 1967 Г.

19. Уголовно-процессуальный кодекс Швейцарии от 12 декабря 1967 г. в соответствующих частях гласит:

«...Статья 166. Сведения, составляющие тайну

Данные предварительного расследования, проводимого полицией, составляют тайну. Статьи 184–186 применяются по аналогии...

Статья 184. Сведения, составляющие тайну следствия

¹ Все данные расследований составляют тайну до их окончательного завершения.

² Режим секретности распространяется на все доказательства, собранные в ходе расследования, и на все следственные мероприятия и решения следователей непубличного характера.

Статья 185. Лица, обязанные соблюдать режим секретности

Судьи, прокуроры, работники судов не вправе разглашать доказательства и информацию о расследовании лицам, не имеющим доступа к материалам дела, за исключением случаев, когда разглашение тайны способствует проведению расследования или оправдано соображениями общественного, административного или судебного характера.

Статья 185a

¹ Стороны по делу, их родственники и знакомые, представители и их сотрудники, консультанты и их сотрудники, эксперты и свидетели обязаны соблюдать тайну следствия *vis-à-vis*² к лицам, не имеющим доступа к материалам дела.

² Не наказуемо разглашение сторонами или их представителями сведений, составляющих тайну следствия, друзьям и родственникам.

Статья 185b

¹ Одним из исключений из правил, установленных статьей 185, является возможность следственного судьи кантона или, с разрешения последнего, судьи, отвечающего за предварительное расследование, или вышестоящих сотрудников полиции, специально назначенных Государственным советом кантона (см. абзац третий статьи 168), информировать прессу, радио или телевидение о продолжающемся расследовании, если этого требуют интересы общества или соображения справедливости, особенно в следующих случаях, когда:

а) необходимо сотрудничество общества для раскрытия преступления;

б) речь идет об особо серьезном или уже известном обществу деле;

с) необходимо исправить ошибочную информацию либо успокоить общество.

² Если организуется пресс-конференция, на нее приглашаются представители сторон и прокурор.

³ Если прессе, радио или телевидению были сообщены недостоверные сведения, стороны могут обратиться к следственному судье кантона с ходатайством об исправлении этих сведений через те же средства массовой информации.

¹ Нумерация статей в тексте оригинала (примеч. редактора).

² *Vis-à-vis* (фр.) – по отношению к (примеч. переводчика).

Статья 186. Наказания

¹ Каждый, кто нарушает тайну следствия, наказывается штрафом в размере до пяти тысяч швейцарских франков, если данное деяние не наказуемо в соответствии с другими положениями о защите тайны.

² В случае небольшой тяжести совершенного деяния лицо может быть освобождено от наказания...».

Д. ДИРЕКТИВЫ ШВЕЙЦАРСКОГО СОВЕТА ПО ДЕЛАМ ПРЕССЫ

20. Директивы, относящиеся к Декларации прав и обязанностей журналиста, принятые Швейцарским советом по делам прессы, в соответствующей части предусматривают:

«...Директива 3.8. Право быть выслушанным при предъявлении серьезных обвинений

В соответствии с принципом справедливости и общим требованием этики о необходимости выслушать обе стороны спора (*auditor et altera pars*¹) до публикации журналисты обязаны связаться с лицами, обвиняемыми в тяжких преступлениях, и выслушать их позицию.

При этом они должны подробно описать серьезные обвинения, которые они собираются опубликовать. Показаниям лица, обвиняемого в совершении тяжких преступлений, необязательно придавать такой же вес в публикации, как и критике его действий. Однако эти показания должны быть справедливо представлены при публикации в сообщении того же средства массовой информации...

Директива 7.2. Идентификация

Журналисты должны внимательно оценивать различные затронутые интересы, такие как право общества на информацию и защита частной жизни. Допускается указывать имена и личную информацию, если:

- соответствующее лицо появляется на публике в связи с предметом сообщения средства массовой информации или иным образом соглашается на такую публикацию;
- лицо является знаменитым человеком, и сообщение средства массовой информации касается причин его известности;
- соответствующее лицо занимает политический пост или высшую государственную или общественную должность, имеющую отношение к сообщению средства массовой информации;
- упоминание имени необходимо для того, чтобы избежать путаницы, способной причинить вред другим лицам;
- упоминание имени или идентификационных данных оправдано преобладающими интересами общества.

¹ *Auditor et altera pars* (лат.) – следует выслушать и другую сторону (примеч. переводчика).

Если интерес в защите частной жизни перевешивает интерес общества в идентификации соответствующего лица, журналисты не должны публиковать ни имен, ни иной информации, позволяющей идентифицировать это лицо третьим лицам, которые не относятся к членам его семьи, социальному или профессиональному кругу общения и которые поэтому получают информацию лишь от средств массовой информации».

III. СООТВЕТСТВУЮЩИЕ ДОКУМЕНТЫ СОВЕТА ЕВРОПЫ И МАТЕРИАЛЫ СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОГО ИССЛЕДОВАНИЯ**А. РЕКОМЕНДАЦИЯ № REC(2003)13 КОМИТЕТА МИНИСТРОВ СОВЕТА ЕВРОПЫ ГОСУДАРСТВАМ-УЧАСТНИКАМ О ПРЕДОСТАВЛЕНИИ ЧЕРЕЗ СМИ ИНФОРМАЦИИ ОТНОСИТЕЛЬНО УГОЛОВНЫХ ПРОЦЕССОВ**

21. Рекомендация № Rec(2003)13 в соответствующих частях предусматривает следующее:

«...напоминая, что средства массовой информации имеют право информировать общественность вследствие права общественности на получение информации, в том числе информации по вопросам, представляющим большой общественный интерес, согласно статье 10 Конвенции, и что на них возложена профессиональная обязанность заниматься подобного рода информированием,

напоминая, что права на презумпцию невиновности, на справедливое судебное разбирательство, на уважение частной и семейной жизни согласно статьям 6 и 8 Конвенции составляют основополагающие требования, которые должны соблюдаться в любом демократическом обществе,

подчеркивая важность средств массовой информации в деле информирования общественности об уголовных процессах и освещения охранительной функции уголовного права, а также в деле обеспечения общественного надзора за функционированием системы уголовного судопроизводства,

принимая во внимание потенциально противоречащие друг другу интересы, защищаемые статьями 6, 8 и 10 Конвенции, а также необходимость уравновешивать эти права с учетом обстоятельств каждого конкретного дела, при должном уважении к контролирующей роли Европейского Суда по правам человека в обеспечении соблюдения обязательств по Конвенции...

желая расширить квалифицированное обсуждение вопросов защиты прав и интересов, имеющих значение в рамках освещения средствами массовой информации уголовных процессов, содействовать развитию по всей Европе этических правил и норм, а также обеспечить доступ средств массовой информации к уголовным процессам...

признавая разнообразие национальных правовых систем в сфере уголовного судопроизводства,

рекомендует властям государств-участников:

- 1) принять или усилить, в зависимости от ситуации, все меры, которые они сочтут необходимыми в целях выполнения на практике принципов, изложенных в Приложении к настоящей рекомендации, в рамках своих конституционных норм;
- 2) широко распространить данную рекомендацию и приложенные к ней принципы; в случае необходимости обеспечить ее перевод на соответствующий язык;
- 3) довести вышеуказанные документы, в частности, до органов судебной власти и полицейских служб, а также распространить их среди представительных организаций юристов и среди профессионалов в сфере средств массовой информации.

Приложение к Рекомендации № Rec(2003)13

Принципы предоставления через СМИ информации относительно уголовных процессов

Принцип 1. Информирование общественности через средства массовой информации

Общественность должна иметь возможность получать через средства массовой информации информацию о деятельности органов судебной власти и полицейских служб. Следовательно, журналистам должна быть предоставлена возможность свободно освещать и комментировать деятельность системы уголовного судопроизводства, кроме ограничений, предусмотренных в последующих Принципах.

Принцип 2. Презумпция невиновности

Уважение принципа презумпции невиновности – неотъемлемая часть права на справедливое судебное разбирательство. Следовательно, мнения и сведения по продолжающемуся судебному разбирательству могут сообщаться или распространяться через средства массовой информации только в тех случаях, когда это не наносит ущерба презумпции невиновности подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления...

Принцип 6. Регулярное информирование во время уголовных процессов

В рамках уголовных процессов, затрагивающих общественные интересы, или других уголовных процессов, привлекавших к себе особое внимание общественности, органы судебной власти и полицейские службы должны информировать средства массовой информации об основных проводимых ими действиях при условии, что это не наносит ущерба тайне следствия и полицейского расследования и не создает задержек и препятствий ведущему судебному разбирательству. В случае уголовных процессов, которые ведутся в течение длительного времени, такая информация должна предоставляться на регулярной основе...

Принцип 8. Защита неприкосновенности частной жизни в рамках продолжающегося уголовного разбирательства

При предоставлении информации о подозреваемых, обвиняемых или осужденных лицах, либо о других сторонах в уголовном процессе должно соблюдаться их право на защиту неприкосновенности частной жизни в соответствии со статьей 8 Конвенции. Особая защита должна быть обеспечена участвующим в процессе несовершеннолетним и другим ограниченно дееспособным лицам, а также потерпевшим, свидетелям и семьям подозреваемых, обвиняемых и осужденных. Во всех случаях особое внимание следует уделять тем пагубным последствиям, которые может иметь для указанных в данном принципе лиц раскрытие информации, позволяющей идентифицировать их личность...».

В. МАТЕРИАЛЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ

22. По вопросу о наказании за нарушение тайны следствия по уголовным делам Европейский Суд имеет в своем распоряжении материалы для сравнительно-правового анализа по 30 государствам – членам Совета Европы (Австрии, Азербайджану, Бельгии, Болгарии, Чешской Республике, Эстонии, Финляндии, Франции, Германии, Греции, Венгрии, Ирландии, Италии, Латвии, Литве, Люксембургу, Республике Молдова, Монако, Польше, Португалии, Румынии, Российской Федерации, Словакии, Словении, Испании, Швеции, Македонии, Турции, Украине и Соединенному Королевству).

Как таковое разглашение информации, составляющей тайну следствия по уголовному делу, признается наказуемым деянием во всех перечисленных государствах.

23. В 23 из 30 государств-членов субъект правонарушения общий, то есть наказание может быть назначено любому лицу, разгласившему информацию, составляющую тайну следствия. В остальных семи государствах-членах (Австрии, Литве, Люксембурге, Республике Молдова, Румынии, Испании и на Украине) к ответственности могут быть привлечены только лица, участвующие в производстве по уголовному делу.

В большинстве из указанных 23 государств данное деяние является уголовно наказуемым, а в Эстонии, Российской Федерации и Чешской Республике за разглашение данных предварительного расследования предусмотрены административные наказания.

ПРАВО

24. Заявитель жаловался, что вынесенный ему обвинительный приговор привел к нарушению его права на свободу выражения мнения, гарантированного статьей 10 Конвенции, которая гласит:

«1. Каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ. Настоящая статья не препятствует государствам осуществлять лицензирование радиовещательных, телевизионных или кинематографических предприятий.

2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия».

А. ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПАЛАТЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА

25. В Постановлении от 1 июля 2014 г. Палата Европейского Суда сделала вывод, что имело место нарушение статьи 10 Конвенции. Палата отметила, что приговор, вынесенный заявителю, и штраф, назначенный ему за использование и воспроизведение фрагментов из материалов предварительного расследования в написанной им статье, представляли собой вмешательство в право на свободу выражения мнения, а также что такое вмешательство было предусмотрено законом и преследовало следующие правомерные цели: предотвращение «разглашения информации, полученной конфиденциально», обеспечение «авторитета и беспристрастности правосудия» и защиту «репутации или прав других лиц».

26. Палата Европейского Суда отметила, что спорная статья появилась после начала судебного разбирательства, связанного с дорожно-транспортным происшествием, случившимся при исключительных обстоятельствах, сразу же вызвавших интерес у общественности и побудивших многие средства массовой информации освещать данное дело и его рассмотрение в рамках системы уголовной юстиции. В спорной статье заявитель обратил внимание на характер обвиняемого и попытался понять мотивы его действия, описав при этом то, как полиция и судебные органы обращались с ним, человеком, который, как казалось, страдал психическими расстройствами. Соответственно, Палата Европейского Суда пришла к выводу, что статья касалась вопроса, представляющего интерес для общества.

27. Вместе с тем Палата Европейского Суда указала, что заявитель как опытный журналист должен был знать о том, что документы, попавшие к нему, содержали сведения, составлявшие тайну следствия. Соответственно, заявитель был обязан соблюдать применимые к данному случаю нормы законодательства.

28. При сопоставлении противоречащих друг другу затронутых интересов Палата Европейского Суда признала, что Федеральный суд Швейцарии просто отметил, что преждевременное разглашение протоколов допросов и писем, которые обвиняемый отправлял судье, неизбежно влекло нарушение презумпции невиновности и, в более широком смысле, права обвиняемого на справедливое судебное разбирательство. Однако в спорной статье не рассматривался вопрос о виновности обвиняемого, а сама статья была опубликована более чем за два года до первого заседания суда по его делу. Кроме того, дело обвиняемого рассматривалось судами, состоявшими исключительно из профессиональных судей, без присяжных заседателей, что также снижало опасность того, что статьи, аналогичные той, что была написана заявителем, могут повлиять на исход судебного разбирательства.

29. Относительно довода властей Швейцарии о том, что разглашение сведений, составляющих тайну следствия, представляло собой вмешательство в право обвиняемого на уважение его личной жизни, Палата Европейского Суда отметила, что, хотя в соответствии с законодательством Швейцарии в распоряжении обвиняемого имелись средства правовой защиты для получения компенсации вреда, причиненного его репутации, он ими не воспользовался. Соответственно, вторая правомерная цель, упомянутая властями Швейцарии, имела, разумеется, меньшее значение, учитывая обстоятельства дела.

30. Что касается озвученной властями Швейцарии критики формы спорной статьи, Палата Европейского Суда напомнила, что статья 10 Конвенции защищает не только суть выраженных идей и информации, но и способ ее распространения.

31. Наконец, хотя штраф был назначен за «преступление небольшой тяжести» и за то же самое преступление могло быть назначено более суровое наказание, в том числе связанное с лишением свободы, Палата Европейского Суда признала, что ввиду значительного сдерживающего эффекта штраф в настоящем деле был несоразмерен преследуемой цели.

32. Палата Европейского Суда пришла к выводу, что мотивы, указанные органами власти государства-ответчика, были применимы, но недостаточны для обоснования такого вмешательства в право заявителя на свободу выражения мнения.

В. ДОВОД СТОРОН В БОЛЬШОЙ ПАЛАТЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА

1. Заявитель

33. Заявитель был согласен с тем, что вынесенный ему обвинительный приговор имел под собой правовую основу, но не считал, что приговор был необходимым в демократическом обществе.

34. Заявитель утверждал, что в своей статье он не преследовал цели разглашать конфиденциальную информацию, стремясь, скорее, удовлетворить интерес общества, а именно исполнял свою обязанность по информированию населения о фактах, касающихся важного события, которое незадолго до этого шокировало жителей г. Лозанны и франкоговорящей Швейцарии.

По словам заявителя, хотя данная информация действительно была конфиденциальной с формальной точки зрения, ее характер не мог служить основанием для распространения на эту информацию режима секретности.

35. Заявитель также отметил, что спорная статья не повлияла на ход расследования и не нарушила презумпцию невиновности в отношении обвиняемого. По поводу последнего принципа заявитель подчеркнул, что, хотя он был обязательным для государственных органов, он не препятствовал частным лицам формировать свое мнение до завершения судебного разбирательства по уголовному делу. Как и в Постановлении Европейского Суда по делу «Кампуш Дамашу против Португалии» ((Campos Dâmaso v. Portugal) от 24 апреля 2008 г., жалоба № 17107/05, § 35), лица, не являющиеся профессиональными судьями, не могли быть призваны для рассмотрения дела, и дело фактически было рассмотрено судом, состоявшим исключительно из профессиональных судей. Заявитель утверждал, что из решения исправительного суда от 23 ноября 2005 г. и решения Кассационного уголовного суда кантона Во от 26 июня 2006 г. было видно, что спорная статья не оказала влияния на судебное разбирательство по делу М.В. Кроме того, Федеральный суд Швейцарии в своем решении также не установил подобного влияния, ограничившись общими доводами относительно рисков сговора и угрозы уничтожения или фальсификации доказательств.

Кроме того, по словам заявителя, несмотря на то, что в момент публикации спорной статьи никто не мог знать о том, что судебное разбирательство по делу обвиняемого состоится через два года, что еще больше уменьшило бы потенциальное влияние статьи на ход следствия, было очевидно, что расследование продлится много месяцев до начала судебного разбирательства.

36. Что касается защиты права М.В. на уважение его частной жизни, заявитель повторил, что М.В. не обращался в суды и не использовал средства

правовой защиты, которые имелись в его распоряжении. Соответственно, позитивное обязательство государства по защите частной жизни обвиняемого представляло собой всего лишь теоретический вопрос, в то время как Европейский Суд должен осуществлять свою оценку *in concreto*¹. В настоящем деле были «виртуально» противопоставлены права журналиста, фактически признанного виновным в совершении преступления, и права обвиняемого, который даже не пытался воспользоваться своим правом на защиту частной жизни, хотя у него было множество возможностей сделать это.

2. Власти Швейцарии

37. Власти Швейцарии не спорили с тем, что имело место вмешательство в пользование заявителем правом на свободу выражения мнения, и сослались на вывод Палаты о том, что данное вмешательство было «предусмотрено законом» и преследовало «правомерную цель».

38. Доводы властей Швейцарии касались главным образом необходимости вмешательства в демократическом обществе.

39. Прежде всего власти Швейцарии заметили, что в настоящем деле не было убедительных причин информировать общественность, которые могли позволить заявителю проигнорировать положения о недопустимости разглашения данных предварительного расследования. Они сослались на ряд дел, рассмотренных Европейским Судом, в которых был сделан вывод о существовании общественного интереса в связи с большим резонансом производств по уголовным делам в отношении отдельных лиц. Ссылаясь на Постановление Европейского Суда по делу «Лимпоел и АО «Издательство "Сине Ревю"» против Бельгии» (Leempoel & S.A. ED. Ciné Revue v. Belgium) от 9 ноября 2006 г., жалоба № 64772/01, § 72, власти Швейцарии подчеркивали, что одного лишь того, что опубликованная информация могла удовлетворить чье-либо любопытство, было недостаточно. Они также сослались на вывод, сделанный Федеральным судом Швейцарии в решении от 28 апреля 2008 г., о том, что, хотя обстоятельства инцидента нельзя признать обычными, и он вызвал бурю эмоций в обществе, с точки зрения права он представлял собой обычное дорожно-транспортное происшествие.

Власти Швейцарии далее отметили, что интерес, вызванный в результате освещения дела средствами массовой информации, нельзя было признать *per se* «общественным интересом» в раскрытии секретной информации. Говоря конкретней, власти Швейцарии оспаривали идею о том, что опубликование переписки обвиняемого могло отвечать интересам общества, поскольку данные письма не проливали света на обстоятельства до-

¹ *In concreto* (лат.) – конкретно (примеч. переводчика).

рожно-транспортного происшествия и относились к частной жизни обвиняемого.

Власти Швейцарии также утверждали, что аналогичные соображения были применимы к опубликованию выдержек из протоколов допросов.

40. Что касается сопоставления затронутых в настоящем деле интересов, власти Швейцарии повторили, что общее право общества на получение информации о деятельности судов применяется с учетом прав других лиц на соблюдение презумпции невиновности, справедливое судебное разбирательство и защиты личной и семейной жизни, гарантированных статьями 6 и 8 Конвенции.

В этом контексте власти Швейцарии подчеркнули, что принцип субсидиарности, лежащий в основе системы Конвенции, означает, что соответствующее сопоставление интересов должны осуществлять в первую очередь внутригосударственные суды, и данное требование было выполнено в настоящем деле, так как Федеральный суд Швейцарии всесторонне оценил обстоятельства дела.

41. Что касается права обвиняемого на уважение частной жизни, власти Швейцарии отмечали, что спорная статья включала его фотографию крупным планом и целую серию весьма личных подробностей, в том числе данные из протоколов допросов и показания его жены и врача, и вдобавок, разумеется, письма, которые обвиняемый отправлял следственному судье и которые содержали подробности о его частной жизни в тюрьме.

Власти Швейцарии также полагали, что контекст статьи и использованные заявителем выражения выставляли обвиняемого в крайне неблагоприятном и неприличном свете.

Власти Швейцарии подчеркнули, что статья 8 Конвенции предусматривает позитивное обязательство, тесно связанное с эффективным уважением частной жизни, и что данное позитивное обязательство имеет особое значение, когда речь идет об уязвимых лицах, таких как заключенный, которые предположительно страдают психическими расстройствами. Ссылаясь на Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Фон Ганновер против Германии (№ 2)» (Von Hannover v. Germany) (№ 2), жалобы №№ 40660/08 и 60641/08, § 104, ECHR 2012, власти Швейцарии утверждали, что выбор средств, предназначенных для обеспечения соблюдения статьи 8 Конвенции, относился к пределам усмотрения государств, и в настоящем деле применение статьи 293 УК Швейцарии являлось надлежащим средством защиты частной жизни обвиняемого.

Наконец, по словам властей Швейцарии, Палата Европейского Суда постаралась избежать противопоставления права заявителя на пользование свободой печати праву обвиняемого на защиту его частной жизни, отметив просто, что обвиняемый не предъявлял каких-либо требований в целях

защиты данного права, хотя у него имелась такая возможность в соответствии с законодательством Швейцарии. Власти Швейцарии утверждали, что существование средств правовой защиты, которыми мог воспользоваться обвиняемый, не освобождало государство от исполнения его позитивного обязательства. Власти Швейцарии добавили, что обвиняемый, который был заключен под стражу и страдал от психических расстройств, вероятно, был неспособен инициировать производство в защиту своих интересов.

42. Что касается защиты хода расследования и презумпции невиновности, власти Швейцарии отметили, что в момент публикации статьи никто не знал о том, что судебное разбирательство начнется более чем через два года после ее опубликования и что дело будет рассматриваться профессиональными судьями, а не присяжными заседателями. Соответственно, власти Швейцарии считали, что Палата Европейского Суда ошибочно приняла эти факты во внимание при вынесении Постановления.

Далее власти Швейцарии отметили, что Европейский Суд не мог ожидать от них предоставления доказательств того, что разглашение конфиденциальной информации причинило фактический и конкретный вред охраняемым интересам. Подобное требование лишило бы тайну следствия большей части смысла.

43. По поводу соразмерности назначенного наказания власти Швейцарии подчеркнули, что размер штрафа не превышал и половины ежемесячного дохода заявителя и устанавливался с учетом факторов, включающих предыдущую судимость заявителя. Также власти Швейцарии указали, что штраф был выплачен не заявителем, а его работодателем.

С. МНЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА

1. Наличие вмешательства, «предусмотренного законом», и преследование «правомерной цели»

44. В Постановлении от 1 июля 2014 г. Палата Европейского Суда отметила, что стороны не спорили с тем, что вынесенный заявителю обвинительный приговор являлся вмешательством в осуществление заявителем права на свободу выражения мнения, гарантированного пунктом 1 статьи 10 Конвенции.

45. Также стороны не спорили с тем, что вмешательство было предусмотрено законом, то есть Уголовным кодексом Швейцарии и Уголовно-процессуальным кодексом кантона Во.

46. Кроме того, в своем Постановлении (§§ 40 и 41) Палата Европейского Суда признала, что обжалуемая мера преследовала правомерные цели предотвращения «разглашения информации, полу-

ченной конфиденциально», обеспечения «авторитета и беспристрастности правосудия» и защиты «репутации или прав других лиц», и это также не оспаривалось сторонами.

47. Большая Палата Европейского Суда не видит причин отступать от мнения Палаты по этим трем вопросам.

2. Необходимость вмешательства в «демократическом обществе»

(а) Общие принципы

48. Общие принципы оценки необходимости вмешательства в осуществление свободы выражения мнения, которые Европейский Суд часто повторял после вынесения Постановления Европейского Суда по делу «Хэндисайд против Соединенного Королевства» ((Handyside v. United Kingdom) от 7 декабря 1976 г., Series A, № 24), были обобщены в Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Штолль против Швейцарии» ((Stoll v. Switzerland) от 10 декабря 2007 г., жалоба № 69698/01 § 101, ECHR 2007-V) и недавно повторены в Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Морис против Франции» ((Morice v. France) от 23 апреля 2015 г., жалоба № 29369/10¹, § 124) и Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Пентикайнен против Финляндии» ((Pentikäinen v. Finland), жалоба № 11882/10², § 87, ECHR 2015):

«... (i) Свобода выражения мнения составляет одну из существенных основ демократического общества и является одним из основных условий прогресса общества и самовыражения каждого из членов общества. Согласно пункту 2 статьи 10 Конвенции указанное положение применимо не только к “информации” или “идеям”, которые принимаются благосклонно или считаются неоскорбительными или не вызывают какой-либо реакции, но также к тем, которые оскорбляют, шокируют или вызывают беспокойство. Таковы требования плюрализма, терпимости или широты мировоззрения, без которых нет “демократического общества”. Как указано в статье 10 Конвенции, эта свобода подвержена ограничениям, которые... однако должны толковаться ограничительно, а необходимость любого ограничения должна быть убедительно установлена...»

(ii) Прилагательное “необходимый” в контексте пункта 2 статьи 10 Конвенции подразумевает наличие “наущной социальной необходимости”. Договаривающиеся Стороны обладают широкой свободой усмотрения при оценке того, существует ли такая необходимость, но эта свобода сопровождается европейским надзором, который включает в себя как законодательство, так и решения, применяющие его, даже вынесенные независи-

мым судом. В связи с этим Европейский Суд имеет право выносить окончательное постановление по вопросу о том, совместимо ли “ограничение” со свободой выражения мнения, гарантированной статьей 10 Конвенции.

(iii) Задачей Европейского Суда при осуществлении судебных функций не является подмена собой компетентных внутригосударственных органов власти, а, скорее, пересмотр в свете статьи 10 Конвенции решений, вынесенных указанными органами в рамках предоставленной им свободы усмотрения. Это не означает, что надзор ограничен уточнением того, осуществило ли государство-ответчик свою свободу усмотрения разумно, тщательно и добросовестно. Европейский Суд должен рассмотреть обжалуемое вмешательство в свете дела в целом и определить, было ли оно “пропорционально поставленной законной цели”, и были ли причины, приведенные внутригосударственными властями в оправдание вмешательства, “относящимися к делу и достаточными”... Поступая подобным образом, Европейский Суд должен убедиться, что внутригосударственные власти применили стандарты, соответствующие принципам, содержащимся в статье 10 Конвенции, и, более того, что они ссылались на допустимую оценку соответствующих фактов...».

49. Кроме того, что касается уровня защиты, в соответствии с пунктом 2 статьи 10 Конвенции существует очень небольшая возможность ограничения свободы выражения мнения в двух областях, а именно в рамках политических выступлений и дискуссий по вопросам, представляющим интерес для общества (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Сюрек против Турции (№ 1)» (Surek v. Turkey) (№ 1), жалоба № 26682/95, ECHR 1999-IV, § 61, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Линдон, Очаковский-Лоран и Жюли против Франции» (Lindon, Otchakovsky-Laurens and July v. France), жалобы №№ 21279/02 и 36448/02, ECHR 2007-IV, § 46, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Компания “Аксель Шпрингер АГ” против Германии» (Axel Springer AG v. Germany), жалоба № 39954/08, ECHR 2012, § 90). Следовательно, высокий уровень защиты свободы выражения мнения, при котором государственные органы, соответственно, пользуются особенно узкими пределами свободы усмотрения, обычно будет предоставляться в случаях, когда высказывания касаются вопроса, представляющего общественный интерес, как в настоящем деле, в частности, в отношении высказываний о функционировании судебной системы, даже в контексте производства по делу, которое еще не завершено в отношении других подсудимых (см. *mutatis mutandis* Постановление Европейского Суда по делу «Ролан Дюма против Франции» (Roland Dumas v. France) от 15 июля 2010 г., жалоба № 34875/07, § 43, и Постановление Европейского Суда по делу «Гувейя Гомеш Фернандеш и Фрейтеш э Коста против Португалии» (Gouveia Gomes Fernandes and Freitas e Costa v. Portugal) от 29 марта 2011 г.,

¹ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2015. № 10 (примеч. редактора).

² См.: Российская хроника Европейского Суда. Специальный выпуск. 2017. № 2 (примеч. редактора).

жалоба № 1529/08, § 47, и упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Морис против Франции», § 125). Уровень враждебности (см. Постановление Европейского Суда по делу «Е.К. против Турции» (E.K. v. Turkey) от 7 февраля 2002 г., жалоба № 28496/95, §§ 79–80, и упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Морис против Франции», § 125) и потенциальная серьезность определенных высказываний (см. Постановление Европейского Суда по делу «Тома против Люксембурга» (Thoma v. Luxembourg), жалоба № 38432/97, ECHR 2001-III, § 57, и упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Морис против Франции», § 125) не исключают права на высокий уровень защиты, учитывая наличие вопроса, представляющего общественный интерес (см. Постановление Европейского Суда по делу «Патурель против Франции» (Paturel v. France) от 22 декабря 2005 г., жалоба № 54968/00, § 42, и упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Морис против Франции», § 125).

50. Пресса играет важнейшую роль в демократическом обществе. Хотя она и не должна переходить некоторые границы (в частности, это касается защиты репутации и прав других лиц, а также необходимости не допускать разглашения информации, полученной в конфиденциальном порядке), ее обязанность, тем не менее, заключается в распространении информации и идей по всем вопросам, представляющим интерес для общества, не забывая при этом о своих обязанностях и ответственности (см. Постановление Европейского Суда по делу «Де Хаес и Гийселс против Бельгии» (De Haes and Gijssels v. Belgium) от 24 февраля 1997 г., *Reports of Judgments and Decisions* 1997-I¹, § 37, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Компания “Бладет Тромсё” и Стенсаас против Норвегии» (Bladet Tromsø and Stensaas v. Norway), жалоба № 21980/93, ECHR 1999-III, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Тома против Люксембурга», §§ 43–45, и Постановление Европейского Суда по делу «Тураншо и Жюли против Франции» (Tourancheau and July v. France) от 24 ноября 2005 г., жалоба № 53886/00, § 65).

Действительно, защита, гарантированная статьей 10 Конвенции, предоставляется журналистам при условии, что они действуют добросовестно при распространении точной и надежной информации в соответствии с принципами ответственной журналистики. Концепция ответственной журналистики как профессиональной деятельности, пользующейся защитой, гарантированной статьей 10

Конвенции, не ограничивается содержанием информации, которая собирается и/или распространяется с использованием средств журналистики (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Пентикайнен против Финляндии», § 90, и дела, процитированные в этом пункте). В упоминавшемся выше Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Пентикайнен против Финляндии» (*ibid.*) Европейский Суд подчеркивал, что концепция ответственной журналистики предполагает также правомерное поведение журналиста, и факт нарушения журналистом законодательства имеет важное, хотя и не решающее значение при определении того, насколько ответственными были его действия.

51. В частности, нельзя считать, что вопросы, разрешаемые судами, не могут до их рассмотрения или одновременно с ним порождать дискуссии за пределами судов, будь то в специализированных журналах, крупных газетах или в обществе в целом. Функции средств массовой информации, состоящей в распространении подобной информации и идей, корреспондирует право общественности на их получение. Тем не менее нельзя забывать о праве каждого лица на справедливое судебное разбирательство, гарантированное пунктом 1 статьи 6 Конвенции, и по уголовным делам, включающим право на рассмотрение дела беспристрастным судом (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Тураншо и Жюли против Франции», § 66) и презумпцию невиновности (*ibid.*, § 68). Как ранее неоднократно подчеркивал Европейский Суд (*ibid.*, § 663, см. также Постановление Европейского Суда по делу «Ворм против Австрии» (Worm v. Austria) от 29 августа 1997, § 50, *Reports of Judgments and Decisions* 1997-V², упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Кампуш Дамашу против Португалии», § 31, Постановление Европейского Суда по делу «Пинту Коэлью против Португалии» (Pinto Coelho v. Portugal) от 28 июня 2011 г., жалоба № 28439/08³, § 33, и Постановление Европейского Суда по делу «Агеевы против Российской Федерации» (Ageyev v. Russia) от 18 апреля 2013 г., жалоба № 7075/10⁴, §§ 224–225):

«в этом контексте [журналистами] должны соблюдаться гарантии справедливого судебного разбирательства... и пределы допустимого комментирования не могут распространяться на утверждения, которые могут ухудшить, умышленно или невольно, шансы лица на справедливое рассмотрение его дела судом или подорвать дове-

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2016. № 4 (примеч. редактора).

² См.: там же. 2016. № 4 (примеч. редактора).

³ См.: там же. № 12 (примеч. редактора).

⁴ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2014. № 1 (примеч. редактора).

рие общественности к роли судов при отправлении правосудия по уголовным делам».

52. Кроме того, когда на рассмотрении Европейского Суда находятся два конфликтующих права, пользующихся равной защитой в соответствии с Конвенцией, ему необходимо установить баланс между противоречащими друг другу интересами. Результат рассмотрения жалобы в принципе не должен зависеть от того, была она подана в Европейский Суд лицом, упомянутым в оскорбительной статье, со ссылкой на статью 8 Конвенции, или автором этой статьи со ссылкой на статью 10 Конвенции (см. Постановление Европейского Суда по делу «Компания “Ашетт Филипакки Ассосье” (“ИСИ ПАРИ”) против Франции» (*Hachette Filipacchi Associés (ICI PARIS) v. France*) от 23 июля 2009 г., жалоба № 12268/03, § 41, Решение Европейского Суда по делу «Тимчук против Румынии» (*Timciuc v. Romania*) от 12 октября 2010 г., жалоба № 28999/03, § 144, Постановление Европейского Суда по делу «Мосли против Соединенного Королевства» (*Mosley v. United Kingdom*) от 10 мая 2011 г., жалоба № 48009/08, § 111, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Кудерк и компания “Ашетт Филипакки Ассосье” против Франции» (*Couderc and Hachette Filipacchi Associés v. France*), жалоба № 40454/07¹, § 91, *ECHR* 2015). Соответственно, в обоих случаях пределы усмотрения государства-ответчика должны быть одинаковы (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Фон Ганновер против Германии (№ 2)», § 106, упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Компания “Аксель Шпрингер АГ” против Германии», § 87, упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Кудерк и компания “Ашетт Филипакки Ассосье” против Франции», § 91).

53. Европейский Суд считает, что аналогичная мотивировка должна применяться при сопоставлении прав, гарантированных соответственно статьями 10 Конвенции и пунктом 1 статьи 6 Конвенции.

54. Наконец Европейский Суд напоминает, что следует учитывать необходимость установления баланса между различными затронутыми интересами. Ввиду их непосредственного постоянного контакта с реалиями, существующими в соответствующей стране, внутригосударственные суды находятся в лучшем положении, чем международный суд, для определения того, каким образом в конкретное время может быть установлен правильный баланс. По этой причине применительно к статье 10 Конвенции Договаривающиеся Стороны обладают определенными пределами

усмотрения при оценке необходимости и объема вмешательства в право на свободу выражение мнения, защищаемое данным положением (см. среди прочих примеров Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Паломо Санчес и другие против Испании» (*Palomo Sánchez and Others v. Spain*), жалобы №№ 28955/06, 28957/06, 28959/06 и 28964/06, § 54, *ECHR* 2011), в особенности когда требуется установить баланс между противоречащими друг другу интересами частных лиц.

Если власти государства-ответчика устанавливают равновесие между этими двумя правами в соответствии с критериями, установленными в прецедентной практике Европейского Суда, последнему требуются веские основания для того, чтобы подменить позицию внутригосударственных судов своей собственной точкой зрения (см. Постановление Европейского Суда по делу «Компания “Эм-Джи-Эн Лимитед” против Соединенного Королевства» (*MGN Ltd v. United Kingdom*) от 18 января 2011 г., жалоба № 39401/04, §§ 150 и 155, упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Паломо Санчес и другие против Испании» § 57, и совсем недавно вынесенное Постановление Европейского Суда по делу «Халдиманн и другие против Швейцарии» (*Haldimann and Others v. Switzerland*), жалоба № 21830/09², §§ 54 и 55, *ECHR* 2015).

(b) Применение вышеизложенных принципов в настоящем деле

55. В настоящем деле праву заявителя на информирование общественности и праву общества на получение информации были противопоставлены в равной степени важные публичные и частные интересы, защищаемые запретом на разглашение информации, составляющей тайну уголовного расследования. К этим вопросам относятся авторитет и беспристрастность правосудия, эффективность уголовного расследования и право обвиняемого на презумпцию невиновности и защиту частной жизни. Как и в *mutatis mutandis* упоминавшемся выше Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Компания “Аксель Шпрингер АГ” против Германии» (§§ 89–95) и упоминавшемся выше Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Штолль против Швейцарии» (§§ 108–161), необходимо уточнить критерии, подлежащие соблюдению внутригосударственными органами Договаривающихся Сторон Конвенции при сопоставлении этих интересов и, соответственно, при оценке «необходимости» вмешательства по делам о нарушении журналистом тайны следствия.

Данные критерии вытекают из вышеизложенных общих принципов, а также, в некоторой сте-

¹ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2016. № 8 (примеч. редактора).

² См.: там же. № 11 (примеч. редактора).

пени, из законодательств 30 государств – членов Совета Европы, проанализированных Европейским Судом в рамках рассмотрения настоящей жалобы (см. §§ 22 и 23 настоящего Постановления).

(i) Способ получения заявителем соответствующей информации

56. Европейский Суд напоминает, что способ получения лицом информации, признанной конфиденциальной или секретной, может иметь значение при установлении баланса между интересами в контексте пункта 2 статьи 10 (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Штолль против Швейцарии», § 141).

57. В настоящем деле стороны не утверждали, что заявитель получил соответствующую информацию незаконным путем (см. § 12 настоящего Постановления). Тем не менее данный фактор necessarily имеет решающее значение при оценке того, исполнил ли он свои обязанности, и нес ли он ответственность, когда публиковал данную информацию. Дело в том, что, как правильно отметила Палата Европейского Суда, заявитель, будучи журналистом по профессии, не мог не знать о конфиденциальности информации, которую он планировал опубликовать (*ibid.*, § 144). Кроме того, заявитель не оспаривал ни в рамках разбирательства на внутригосударственном уровне, ни в Европейском Суде, что опубликование соответствующей информации могло относиться к сфере действия статьи 293 УК Швейцарии (см. для сравнения Постановление Европейского Суда по делу «Дюпюи и другие против Франции» (*Dupuis and Others v. France*) от 7 июня 2007 г., жалоба № 1914/02, § 24).

(ii) Содержание спорной статьи

58. Европейский Суд напоминает, что защита, гарантированная статьей 10 Конвенции, предоставляется журналистам, информирующим общественность о вопросах, представляющих для нее интерес, при условии, что они действуют добросовестно, основываясь на достоверных фактах и предоставляет «надежную и точную» информацию в соответствии с этическими принципами журналистики (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Штолль против Швейцарии», § 103).

Кроме того, статья 10 Конвенции защищает не только содержание выражаемых идей и информации, но и форму их распространения. Соответственно, ни Европейский Суд, ни внутригосударственные суды не должны подменять своим мнением позицию средства массовой информации относительно используемых журналистами методов сообщения информации (*ibid.*, § 146; см. также Постановление Европейского Суда

по делу «Ларанжейра Маркес да Сильва против Португалии» (*Laranjeira Marques da Silva v. Portugal*) от 19 января 2010 г., жалоба № 16983/06, § 51). Свобода журналистской деятельности распространяется и на возможные случаи некоторого преувеличения или даже провокации (см. Постановление Европейского Суда по делу «Прагер и Обершлик против Австрии» (*Prager and Oberschlick v. Austria*) от 26 апреля 1995 г., Series A, № 313¹, § 38, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Тома против Люксембурга», §§ 45 и 46, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Перна против Италии» (*Perna v. Italy*), жалоба № 48898/99, § 39, *ECHR* 2003-V, и Постановление Европейского Суда по делу «Орманни против Италии» (*Ormanni v. Italy*) от 17 июля 2007 г., жалоба № 30278/04, § 59).

59. В настоящем деле Европейский Суд отмечает, что в решении от 29 апреля 2008 г. Федеральный суд Швейцарии провел глубокий анализ статьи и сделал следующий вывод: «Манера цитирования отрывков из протоколов допросов и воспроизведения писем, направленных обвиняемым судье, указывала на мотивы автора спорной статьи: он стремился к сенсационности, его *modus operandi* сводился исключительно к удовлетворению относительно нездорового любопытства, которое каждый человек испытывает по отношению к подобным делам. Читатели этой крайне предвзятой статьи сформировали бы собственное мнение и предвзято и необъективно отнеслись бы к любым будущим решениям судов по данному делу без малейшего уважения к принципу презумпции невиновности».

60. В свою очередь Европейский Суд отмечает, что, хотя в спорной статье заявитель прямо не озвучивал мнение об умышленном характере предположительно совершенного обвиняемым преступления, он всё же представил очень нелицеприятный портрет обвиняемого, фактически высмеяв его. Заголовки, использованные заявителем («Допрос безумного водителя», «Версия шофера-лихача» и «Он съехал с катушек...»), а также фотография обвиняемого крупным планом, сопровождавшая эти тексты, не оставляют сомнений в том, что заявитель хотел придать своей статье сенсационный характер. Кроме того, в статье обращалось внимание на бессодержательность показаний обвиняемого и множество противоречий в его словах, прямым текстом названных «беспрестанной ложью», и в конце задавался вопрос о том, не делал ли М.В. данной «смесью наивности и высокомерия», «всё, что в его силах, чтобы его нельзя было оправдать». Европейский Суд подчеркивает, что на подобные вопросы как раз и должны отвечать судебные органы на стадии расследования и судебного разбирательства.

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2016. № 4 (примеч. редактора).

61. По данному вопросу Европейский Суд также не находит веских оснований подвергать сомнению совершенно обоснованное решение Федерального суда Швейцарии.

(iii) Вклад спорной статьи в дискуссию, представляющую интерес для общества

62. В Постановлении от 1 июля 2014 г. Палата Европейского Суда отметила, что дорожно-транспортное происшествие, по факту которого было возбуждено уголовное расследование, лежащее в основе настоящего дела, сразу вызвало интерес у общественности и побудило многие средства массовой информации освещать данное дело и его рассмотрение в рамках системы уголовной юстиции.

63. Европейский Суд напоминает, что он уже признавал ранее, что общественность имеет законный интерес в предоставлении и доступности информации об уголовных делах (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Морис против Франции», § 152).

64. В настоящем деле Европейский Суд согласен с тем, что тема статьи – уголовное расследование обстоятельств драмы на мосту Гран-Пон – представляла интерес для общества. Этот исключительный инцидент породил бурю эмоций среди населения, и сами судебные органы считали необходимым информировать средства массовой информации о некоторых аспектах проходившего расследования (см. § 11 настоящего Постановления).

Однако в данном случае стоял вопрос о том, могло ли содержание статьи, в том числе информация, составляющая тайну судебного расследования, способствовать публичной дискуссии по данному вопросу (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Штольц против Швейцарии», § 121, см. также упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Лимпоел и АО “Издательство “Сине Ревю”» против Бельгии», § 72), или же оно служило лишь удовлетворению любопытства отдельных читателей относительно подробностей частной жизни обвиняемого лица (см. *mutatis mutandis* упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Фон Ганновер против Германии» (*Von Hannover v. Germany*), жалоба № 59320/00, § 65, *ECtHR* 2004-VI, § 65, Решение Европейского Суда по делу «Компания “Сосьете Присма Пресс” против Франции» (*Société Prisma Presse v. France*) от 1 июля 2003 г., жалобы №№ 66910/01 и 71612/01, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Компания “Ашетт Филиппакки Ассосье” (“Иси Пари”) против Франции», § 40, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Мосли против Соединенного Королевства», § 114).

65. В этой связи Европейский Суд отмечает, что после того, как Федеральный суд Швейцарии провел тщательный анализ содержания статьи, характера предоставленной информации и обстоятельства дела о «мосте Гран-Пон», он постановил в подробно мотивированном решении, которое не содержало и намека на произвол, что ни разглашенные протоколы допросов, ни письма, которые обвиняемый отправлял следственному судье, не содержали информации, имеющей отношение к публичной дискуссии, а также что интерес общества к данному делу самое большее «удовлетворял нездоровое любопытство» (см. § 16 настоящего Постановления).

66. В свою очередь заявитель не продемонстрировал, каким образом факт опубликования протоколов допросов, показаний супруги и врача обвиняемого и писем, которые обвиняемый отправлял следственному судье и которые касались простых аспектов повседневной жизни лица, находящегося под стражей, мог способствовать какой-либо публичной дискуссии по вопросу продолжавшегося расследования.

67. Соответственно, Европейский Суд не находит веских причин для подмены своей собственной точкой зрения позиции Федерального суда Швейцарии (см. *mutatis mutandis* упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Компания “Эм-Джи-Эн Лимитед” против Соединенного Королевства», §§ 150 и 155, упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Паломо Санчес и другие против Испании» § 57, и упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Халдиманн и другие против Швейцарии», §§ 54 и 55), который имел определенные пределы усмотрения по данным вопросам.

(iv) Влияние спорной статьи на производство по уголовному делу

68. Подчеркивая, что права, гарантированные статьей 10 и пунктом 1 статьи 6 Конвенции, в принципе заслуживают равной защиты (см. § 53 настоящего Постановления), Европейский Суд напоминает, что предоставление особой защиты тайне судебного расследования является правоммерным ввиду ее важности для производства по уголовному делу, в частности, для отправления правосудия и обеспечения права лиц, в отношении которых проводится расследование, на презумпцию невиновности (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Дюпюи и другие против Франции», § 44). Европейский Суд отмечает, что тайна следствия имеет целью защиту, с одной стороны, интересов производства по уголовному делу для предупреждения опасности сговора, изменения или уничтожения доказательств, а, с другой стороны, интересов обвиняемого с учетом презумпции невиновности и в более общем

контексте его отношений и интересов. Подобная секретность оправдывается также необходимостью защиты процессов формирования мнения и принятия решений судебными органами.

69. В настоящем деле, хотя в спорной статье открыто не высказывалось мнение о том, что обвиняемый действовал умышленно, она всё же была сформулирована в таких выражениях, что создавался крайне нелицеприятный портрет обвиняемого, и обращала внимание на некоторые аспекты его личности, заканчиваясь словами о том, что обвиняемый делал «всё, что в его силах, чтобы его нельзя было оправдать».

Следует констатировать, что опубликование статьи подобной направленности в тот момент, когда расследование еще не завершено, тем или иным образом могло повлиять на дальнейшее производство по делу, отразившись либо на работе следственного судьи, решениях представителей обвиняемого, позициях сторон, требующих возмещения убытков, либо на беспристрастности суда, рассматривающего дело, независимо от того, в каком составе он будет осуществлять разбирательство.

70. Большая Палата Европейского Суда считает, что нельзя ожидать от государства-ответчика, что оно предоставит *ex post facto*¹ доказательства того, что данный вид публикации действительно повлиял на ход производства по конкретному делу. Опасность оказания влияния на производство по делу оправдывает *per se* принятие внутригосударственными органами сдерживающих мер, таких как запрещение разглашения секретной информации.

Необходимо иметь возможность оценить правомерность данных мер в соответствии с внутригосударственным законодательством, а также их соответствие требованиям Конвенции в момент принятия этих мер, а не в свете, как утверждает заявитель, последующих факторов, определивших реальное влияние публикаций на судебное разбирательство, таких как состав суда, рассматривающего дело (см. § 35 настоящего Постановления).

71. Соответственно, Федеральный суд Швейцарии правильно постановил в своем решении от 29 апреля 2008 г., что протоколы допросов и переписка обвиняемого стали предметом «публичного анализа до завершения расследования, до судебного разбирательства и в отрыве от контекста, [и] такой анализ может повлиять на решения, принимаемые следственным судьей и судом, рассматривающим дело».

(v) Нарушение права обвиняемого на уважение частной жизни

72. Европейский Суд напоминает, что право на защиту репутации является частью права на ува-

жение частной жизни, гарантированного статьей 8 Конвенции (см. Постановление Европейского Суда по делу «Шови и другие против Франции» (Chauvy and Others v. France), жалоба № 64915/01, § 70, ECHR 2004-VI, Постановление Европейского Суда по делу «Поланко Торрес и Мовилья Поланко против Испании» (Polanco Torres and Movilla Polanco v. Spain) от 21 сентября 2010 г., жалоба № 34147/06 § 40, и упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Компания “Аксель Шпрингер АГ” против Германии», § 83). Понятие «частная жизнь» – широкое понятие, которому невозможно дать исчерпывающее определение. Оно охватывает физическую и психологическую неприкосновенность личности и может включать в себя многочисленные аспекты личностной идентификации, такие как, например, гендерная идентичность, сексуальная ориентация и элементы, относящиеся к праву лица на образ (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «S. и Марпер против Соединенного Королевства» (S. and Marper v. United Kingdom), жалобы №№ 30562/04 и 30566/04, § 66, ECHR 2008). Данное понятие охватывает личную информацию, которая, согласно ожиданиям соответствующих лиц, не подлежит разглашению без их согласия (см. Постановление Европейского Суда по делу «Флинккиля и другие против Финляндии» (Flinkkilä and Others v. Finland) от 6 апреля 2010 г., жалоба № 25576/04, § 75, и Постановление Европейского Суда по делу «Сааристо и другие против Финляндии» (Saaristo and Others v. Finland) от 12 октября 2010 г., жалоба № 184/06, § 61). Однако для того, чтобы можно было говорить о нарушении статьи 8 Конвенции, посягательство на репутацию частного лица должно достигать определенного уровня серьезности и причинять вред пользованию правом на уважение частной жизни (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Компания “Аксель Шпрингер АГ” против Германии», § 83).

73. Европейский Суд повторяет, что, хотя целью статьи 8 Конвенции и является в основном защита индивида от произвольного вмешательства со стороны государственных властей, это не означает, что государство должно просто воздерживаться от такого вмешательства: дополнительно к этому преимущественно негативному обязательству могут существовать позитивные обязательства, неотъемлемые от эффективного «уважения» частной и семейной жизни. Эти обязательства могут включать в себя принятие мер, направленных на обеспечение уважения частной жизни, даже в сфере отношений индивидов между собой (см. Постановление Европейского Суда по делу «X и Y против Нидерландов» (X and Y v. Netherlands) от 26 марта 1985 г., § 23, Series A, № 91, Постановление Европейского Суда по делу «Армониене против Литвы» (Armonienė v. Lithuania) от 25 ноября

¹ *Ex post facto* (лат.) – исходя из совершившегося позднее (примеч. переводчика).

2008 г., жалоба № 36919/02, § 36, упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Фон Ганновер против Германии (№ 2)», § 98, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Сёдерман против Швеции» (*Söderman v. Sweden*), жалоба № 5786/08, § 78, *ECtHR* 2013). Данное правило применяется также к защите образа лица от злоупотреблений со стороны третьих лиц (см. Решение Европейского Суда по делу «Шюссель против Австрии» (*Schüssel v. Austria*) от 21 февраля 2002 г., жалоба № 42409/98, упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Фон Ганновер против Германии», § 57, Постановление Европейского Суда по делу «Реклос и Давурлис против Греции» (*Reklos and Davourlis v. Greece*) от 15 января 2009 г., жалоба № 1234/05, § 35, и упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Фон Ганновер против Германии (№ 2)», § 98).

74. Европейский Суд отмечает, что для выполнения своего позитивного обязательства по защите прав одного лица, гарантированных статьей 8 Конвенции, государству может потребоваться в некоторой степени ограничить права другого лица, гарантированные статьей 10 Конвенции. При оценке необходимости подобного ограничения в демократическом обществе в интересах «защиты репутации или прав других лиц» Европейскому Суду может потребоваться проверить, установили ли органы власти государства-ответчика справедливый баланс между двумя ценностями, гарантированными Конвенцией, которые иногда могут конфликтовать друг с другом, а именно со свободой выражения мнения, гарантированной статьей 10 Конвенции, с одной стороны, и правом на уважение частной жизни, закрепленным в статье 8 Конвенции, с другой (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Компания “Ашетт Филиппакки Ассоусе” (“Иси Пари”) против Франции», § 43, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Компания “Эм-Джи-Эн Лимитед” против Соединенного Королевства», § 142, и упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Компания “Аксель Шпрингер АГ” против Германии», § 84).

75. Власти Швейцарии утверждали, что в настоящем деле на органы власти были возложены и позитивные, и негативные обязательства по защите частной жизни обвиняемого. Власти Швейцарии правильно отметили, что власти государства-ответчика имели определенные пределы усмотрения в выборе средств, обеспечивающих соблюдение данного позитивного обязательства. Они утверждали, что эту функцию выполняла статья 293 УК Швейцарии, в соответствии с которой разглашение секретной информации признается преступным деянием.

76. Европейский Суд ранее уже рассматривал на предмет нарушения статьи 8 Конвенции дело об уважении частной жизни обвиняемого в случае разглашения тайны судебного расследования. В Постановлении по делу «Кракси против Италии (№ 2)» (*Craxi v. Italy*) (№ 2) от 17 июля 2003 г., жалоба № 25337/94, § 73) Европейский Суд признал, что на внутригосударственных органах власти даже не лежало негативного обязательства не раскрывать осознанно информацию, защищаемую статьей 8 Конвенции, но при этом они должны были принять меры для обеспечения эффективной защиты права обвиняемого на уважение его корреспонденции.

Следовательно, Европейский Суд считает, что производство по уголовному делу, возбужденному следственными органами кантона, соответствовало позитивному обязательству по защите права на уважение частной жизни обвиняемого, гарантированного статьей 8 Конвенции.

Кроме того, информация, раскрытая заявителем, имела крайне личный и даже медицинский характер, включая показания врача обвиняемого (см. § 10 настоящего Постановления), а также письма, которые обвиняемый отправлял из места содержания под стражей следственному судье, отвечавшему за дело. Европейский Суд полагает, что данный вид информации требовал максимальной защиты в соответствии со статьей 8 Конвенции. Этот вывод особенно важен, поскольку обвиняемый не был известен общественности, и одно лишь то, что в отношении него было возбуждено уголовное дело, пусть и по очень серьезным обвинениям, не оправдывает обращения с ним как с общественным лицом, которое добровольно соглашается на публичность (см. *mutatis mutandis* и для сравнения упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Фрессо и Руар против Франции», § 50, и Постановление Европейского Суда по делу «Эгеланд и Хансейд против Норвегии» (*Egeland and Hanseid v. Norway*) от 16 апреля 2009 г., жалоба № 34438/04, § 62).

77. В Постановлении от 1 июля 2014 г. Палата Европейского Суда признала, что защита частной жизни обвиняемого, в частности, тайны переписки, могла быть обеспечена средствами, причиняющими меньше вреда свободе выражения мнения заявителя, чем привлечение к уголовной ответственности. Палата Европейского Суда признала, что для защиты своих прав, гарантированных статьей 8 Конвенции, обвиняемый мог воспользоваться гражданско-правовыми средствами правовой защиты, предоставленными ему в соответствии с законодательством Швейцарии.

Европейский Суд полагает, что наличие таких гражданско-правовых средств правовой защиты частной жизни во внутригосударственном законодательстве не освобождает государство от пози-

тивного обязательства, вытекающего в каждом конкретном случае из статьи 8 Конвенции, *vis-à-vis* к лицу, обвиняемому в рамках производства по уголовному делу.

78. В любом случае, возвращаясь к обстоятельствам настоящего дела, следует отметить, что в момент опубликования спорной статьи обвиняемый содержался под стражей, то есть находился в уязвимом положении. Кроме того, в материалах дела отсутствовали доказательства того, что обвиняемый был проинформирован о публикации статьи и характере информации, содержащейся в статье. Помимо этого, заявитель, вероятно, страдал психическими расстройствами, что усиливало его уязвимость. При данных обстоятельствах нельзя обвинить органы кантона в том, что они, стремясь исполнить позитивное обязательство по защите права М.В. на уважение его частной жизни, не смогли просто ждать, когда М.В. проявит инициативу и предъявит гражданский иск к заявителю, и выбрали, соответственно, активную модель поведения, в том числе средства уголовно-правового характера.

(vi) Соразмерность назначенного наказания

79. Европейский Суд напоминает, что характер и суровость назначенного наказания являются факторами, которые должны приниматься во внимание при оценке соразмерности вмешательства (см., например, упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Штоль против Швейцарии», § 153). Европейский Суд в действительности должен следить за тем, чтобы наказание не стало своего рода цензурой, вынуждающей прессу воздерживаться от выражения критики. В контексте дискуссии по вопросам, представляющим общественный интерес, подобная санкция может удерживать журналистов от внесения вклада в публичную дискуссию, представляющую интерес для жизни общества. Аналогичным образом данное наказание может помешать прессе выполнять свою функцию поставщика информации и сторожевого пса общества. В связи с этим факт привлечения лица к уголовной ответственности в некоторых случаях может быть важнее, чем небольшой размер назначенного наказания (см., *ibid.*, § 154).

80. Кроме того, Европейский Суд отмечает, что разглашение данных, составляющих тайну следствия, является наказуемым деянием во всех 30 государствах – членах Совета Европы, законодательство которых было изучено в рамках настоящего дела (см. пункты 22 и 23 Постановления).

81. Действительно, доминирующее положение государственных учреждений требует от органов власти проявления сдержанности при производстве по уголовным делам (см. Постановление

Европейского Суда по делу «Кастеллс против Испании» (Castells v. Spain) от 23 апреля 1992 г., § 46, Series A, № 236, Постановление Европейского Суда по делу «Инджал против Турции» (Incal v. Turkey) от 9 июня 1998 г., § 54, *Reports of Judgements and Decisions* 1998-IV, Постановление Европейского Суда по делу «Леиде и Изорни против Франции» (Lehideux and Isorni v. France) от 23 сентября 1998 г., § 57, *Reports of Judgements and Decisions* 1998-VII, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Ёзтюрк против Турции» (Öztürk v. Turkey) от 28 сентября 1999 г., жалоба № 22479/93, § 66, *ECHR* 1999-VI, Постановление Европейского Суда по делу «Отеги Мондрагон против Испании» (Otegi Mondragon v. Spain) от 15 марта 2011 г., жалоба № 2034/07¹, § 58, *ECHR* 2011, и упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Морис против Франции», § 127), касающимся свободы выражения мнения. Тем не менее в настоящем деле Европейский Суд считает, что привлечение заявителя к уголовной ответственности и назначение ему уголовного наказания не являлись несоразмерным вмешательством в пользование правом на свободу выражения мнения. Заявителю изначально было назначено лишение свободы сроком на один месяц с условным освобождением от отбывания наказания (см. § 12² настоящего Постановления). Впоследствии наказание заявителю было смягчено до штрафа в размере 4 000 швейцарских франков, назначенного с учетом имевшейся у заявителя судимости, и этот штраф был оплачен не заявителем, а его работодателем (см. § 14 настоящего Постановления). Рассматриваемое наказание было назначено за нарушение тайны следствия по уголовному делу, и целью наказания в настоящем деле были защита надлежащего функционирования системы правосудия и прав обвиняемого на справедливое судебное разбирательство и уважение частной жизни.

Европейский Суд полагает, что при обстоятельствах настоящего дела нельзя утверждать, что наказание, назначенное заявителю, могло иметь сдерживающий эффект для осуществления свободы выражения мнения заявителем или любым другим журналистом, желавшим информировать общественность о ходе продолжающегося производства по уголовному делу.

(vii) Заключение

82. Принимая во внимание вышеизложенное и учитывая пределы усмотрения, имеющиеся у Договаривающихся Сторон, а также факт уста-

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2016. № 3 (примеч. редактора).

² Так в тексте оригинала Постановления. Имеется в виду § 13 настоящего Постановления (примеч. переводчика).

новления Федеральным судом Швейцарии баланса между различными противоречащими друг другу интересами, Европейский Суд признает, что по делу не было допущено нарушения статьи 10 Конвенции.

На основании изложенного Суд:

постановил 15 голосами «за» при двух – «против», что не было допущено нарушения статьи 10 Конвенции.

Совершено на английском и французском языках, вынесено во время публичных слушаний во Дворце прав человека в г. Страсбурге 29 марта 2016 г.

Лоренс ЭРЛИ	Мирьяна ЛАЗАРОВА ТРАЙКОВСКАЯ
Юрисконсульт Суда	Председатель Большой Палаты

В соответствии с пунктом 2 статьи 45 Конвенции и пунктом 2 правила 74 Регламента Суда к настоящему Постановлению прилагаются отдельные мнения судьи Луиса Лопеса Герра и Анны Юджовской.

НЕСОВПАДАЮЩЕЕ ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ЛУИСА ЛОПЕСА ГЕРРА

1. Так же, как и Палата Европейского Суда, и вопреки мнению Большой Палаты Европейского Суда, я полагаю, что имело место нарушение статьи 10 Конвенции в настоящем деле.

2. Настоящее дело представляет большой интерес. Оно касается объема и пределов права на свободное выражение мнения – права, жизненно важного для поддержания «подлинно демократического политического режима», о котором сказано в Преамбуле к Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Оно также интересно потому, что в нем затронуты пределы этого права в отношении свободы информирования о ходе незавершенного судебного разбирательства, которые могут иметь глубокие правовые и социальные последствия в демократическом обществе.

3. Резюмируя, настоящее дело касается вопроса о том, нарушали ли ограничения, наложенные на заявителя, и назначенное ему внутригосударственными органами наказание право на свободное выражение мнения, гарантированное пунктом 1 статьи 10 Конвенции. Рассматриваемые ограничения и наказания были основаны на положениях статьи 293 Уголовного кодекса Швейцарии. Следует отметить, что эта статья содержит общий запрет на опубликование каких-либо документов или данных предварительного расследования, признанных секретными, без указания на возможное наличие общественного или частного интереса,

оправдывающего подобный запрет. Речь идет о безусловном запрете, единственным исключением из которого является «малозначительный характер» данных, составляющих тайну.

4. Право на свободу выражения мнения не только защищает область деятельности частного лица, но и, согласно прецедентной практике Европейского Суда, широко цитируемой в Постановлении Большой Палаты, является одной из существенных основ демократического общества. Свобода выражения мнения является не только субъективным правом, но и объективной гарантией демократии. Кроме того, в прецедентной практике Европейского Суда подчеркивается, что один из аспектов свободы выражения мнения, а именно свобода прессы, играет важнейшую роль в демократических обществах. Следовательно, как опять же отмечается в прецедентной практике Европейского Суда, гарантии, предоставленные прессе, имеют особое значение.

5. Следовательно, когда свобода прессы ограничивается, законодательство, на котором основаны подобные ограничения, и применение внутригосударственными судами этого законодательства должны быть тщательно проанализированы. По поводу данного анализа Европейский Суд указал, что статья 10 Конвенции почти не оставляет пространства (см. среди множества других примеров Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Морис против Франции», § 125) для ограничения свободы выражения мнения по вопросам, представляющим общественный интерес.

6. В этой связи тема статьи, уголовное расследование обстоятельств трагедии на мосту Гран-Пон и продолжавшееся судебное разбирательство, представляла интерес для общества, с чем была согласна и Большая Палата Европейского Суда в мотивировочной части своего Постановления (см. § 64 настоящего Постановления). Кроме того, события, лежавшие в основе указанного разбирательства, оказывали значительное влияние на общественное мнение не только из-за информации, предоставленной средствами массовой информации и самими государственными органами, но главным образом вследствие тяжести последствий, причиненных происшествием (трое погибших и восемь раненых), и их взаимосвязи с вопросами, представляющими всеобщий интерес для любых обществ, такими как причины и обстоятельства дорожно-транспортного происшествия.

7. В остальных отношениях неформальный или даже нелитературный стиль, использованный автором информации, не имеет значения при решении вопроса о том, соответствовали ли события, описанные в статье, общественному интересу. Европейский Суд неоднократно отмечал, что свобода журналистской деятельности распространяется и на возможные случаи некоторого преувели-

чения или даже провокации (см. § 58 настоящего Постановления).

8. Любое ограничение свободы выражения мнения должно быть «необходимо в демократическом обществе». Относительно концепции необходимости со времен вынесения Постановления Европейского Суда по делу «Хэндисайд против Соединенного Королевства» (1976 год, § 88) Европейский Суд неоднократно отмечал, что «прилагательное “необходимый” по смыслу пункта 2 статьи 10 Конвенции предполагает существование “настоятельной социальной необходимости”». Следовательно, в настоящем деле требовалось решить вопрос о том, действительно ли существовала настоятельная социальная необходимость в назначении уголовного наказания заявителю-журналисту за публикацию по вопросу, отвечающему интересам общества.

9. Большая Палата Европейского Суда указала два основания для установления такой необходимости: защита производства по уголовному делу от ненадлежащего влияния и защита неприкосновенности частной жизни обвиняемого. Однако с учетом обстоятельств настоящего дела эти основания в действительности не оправдывают ограничения принадлежащей заявителю свободы выражения мнения.

10. Во-первых, что касается опасности ненадлежащего влияния на производство по уголовному делу, проистекающей из статьи заявителя, опубликованная информация не содержала явных или даже подразумеваемых выводов относительно виновности или невиновности обвиняемого. И Большая Палата Европейского Суда действительно допускает, что заявитель не поддерживал точку зрения о том, что обвиняемый действовал с умыслом (см. § 69 настоящего Постановления). Напротив, заявитель лишь воспроизвел показания обвиняемого, не комментируя их и не высказывая мнения относительно возможного исхода дела. По этой причине сложно понять, каким образом статья заявителя могла повлиять на будущее судебное решение.

Более того, статья журналиста была опубликована примерно через три месяца после происшествия и задолго до вынесения решений внутригосударственными судами. Учитывая обычные сроки судебного разбирательства, представляется просто невероятным, что информация, опубликованная в журнале с ограниченным тиражом, каким-либо образом могла повлиять на судебное решение, которое было вынесено гораздо позже. В действительности первое судебное решение по делу было вынесено окружным судом г. Лозанны через два года и один месяц после опубликования информации, по факту которого заявитель был привлечен к уголовной ответственности. Следовательно, в момент выхода в свет спорной статьи не существовало какого-либо риска вмешательства в ход

производства по делу обвиняемого, тем более с учетом того обстоятельства, что соответствующее решение было вынесено судом, состоявшим из профессиональных судей, на которых вряд ли могла повлиять единственная газетная статья.

11. Во-вторых, отсутствовала настоятельная социальная необходимость в ограничении свободы выражения мнения, принадлежащей заявителю, на основании требования о защите частной жизни обвиняемого.

В этой связи с процессуальной точки зрения Европейский Суд по сути неоднократно настаивал на том, что на государстве лежат позитивные обязательства по защите частной жизни граждан. Однако конкретно в настоящем деле лицо, частная жизнь которого предположительно была затронута публикацией заявителя, не пыталось когда-либо отстаивать свое право на неприкосновенность частной жизни с помощью средств правовой защиты, имевшихся в его распоряжении в соответствии с законодательством Швейцарии. Ни разу обвиняемый не высказал мнения, что имело место посягательство на его частную жизнь. Напротив, именно государственные органы использовали данное дело для того, чтобы применить установленный в УК Швейцарии запрет на опубликование информации о процессе, составлявшей тайну. Никогда не возникало конфликта между правом на свободное выражение мнение и правом на уважение частной жизни, поскольку обвиняемый никогда не жаловался на нарушение данного права.

12. Кроме того, имелись иные способы защиты частной жизни обвиняемого, менее опасные для свободы печати. В действительности обязанность защиты частной информации обвиняемого в ходе судебного разбирательства лежит на государстве, которое должно предотвращать ее утечку в средства массовой информации вследствие действия или бездействия государственных служащих или иных лиц, связанных обязательством о неразглашении конфиденциальных данных о производстве по делу.

13. С материально-правовой точки зрения, даже если информация действительно касалась некоторых аспектов частной жизни обвиняемого, эти аспекты (например, его психическое здоровье) относились к ключевым моментам происшествия, представлявшего интерес для общества. Кроме того, некоторые из предположительно частных сведений об обвиняемом, например, письма судье об условиях содержания под стражей, не имеют никакого отношения к интимным или частным вопросам.

14. Таким образом, учитывая характер соответствующей информации и тот факт, что лицо, о котором шла речь в опубликованной статье, не пыталось использовать какие-либо средства правовой защиты от предполагаемого посягательства на его частную жизнь, в настоящем деле у государ-

ственных органов не было оснований для ограничения свободы выражения мнения путем назначения наказания заявителю-журналисту.

15. По поводу соразмерности назначенного наказания (4 000 швейцарских франков) следует отметить два момента. Во-первых, значительный размер наказания не позволяет считать его обычным символическим наказанием. Кроме того, наказание в таком размере, очевидно, оказывает сдерживающее воздействие на осуществление свободы выражения мнения, вселяя в журналистов чувства страха и небезопасности в отношении их будущих публикаций.

16. Разумеется, как подчеркивается в Постановлении (см. §§ 22 и 23 настоящего Постановления), отсутствует общеевропейский стандарт по данному вопросу. В некоторых государствах лицам, участвующим в деле, и государственным служащим запрещено раскрывать информацию, составляющую тайну судебного разбирательства. Однако если имела место утечка секретной информации в средства массовой информации, запреты и наказания не распространяются на журналистов, которые публикуют ее. В некоторых государствах запрет на разглашение подобной информации распространяется также и на журналистов: например, такой запрет установлен в статье 293 УК Швейцарии, в соответствии с которой к тому же, как отмечено выше, не предусмотрено исключений для вопросов, представляющих значительный интерес для общества.

Очевидно, в настоящем деле стоит вопрос не об общем соответствии Конвенции такого рода нормативного регулирования или статьи 293 УК Швейцарии, а, скорее, о конкретном случае применения действующего законодательства государственным органом. Как подчеркивала Палата Европейского Суда в своем Постановлении (см. § 53 настоящего Постановления), нельзя признать, что формальное определение секретности, содержащееся в статье 293 УК Швейцарии, не позволяло внутригосударственным судам, в том числе Федеральному суду Швейцарии, применять и толковать законодательство с соблюдением права на свободное выражение мнения, гарантированного Конвенцией. Постановление Европейского Суда посвящено не норме о секретности, содержащейся в УК Швейцарии, а ее конкретному применению государственными органами Швейцарии в деле заявителя.

17. Тем не менее, хотя характер нормы УК Швейцарии о секретности не является основным вопросом настоящего дела, положения данной нормы имеют значение при оценке применения законодательства внутригосударственными судами, учитывая, что в УК Швейцарии содержится бланкетный запрет на разглашение данных по вопросам, признанным составляющими тайну. В действительности это является одной из при-

чин, на основании которых можно сделать вывод о нарушении Конвенции.

Как показывает опыт, для судебных разбирательств не является необычным рассмотрение вопросов, которые не только имеют общий характер, но и касаются вопросов, непосредственно связанных с функционированием демократической системы и ответственностью лиц, обладающих политической, социальной или экономической властью, о которых журналисты вправе распространять информацию. Хотя в настоящем деле данные вопросы не рассматриваются, учитывая, что она касается конкретной статьи о производстве по делу о дорожно-транспортном происшествии, настоящее дело поднимает вопрос более общего характера. Любое толкование статьи 10 Конвенции, которое прямо или косвенно узаконивает общие и безусловные положения, ограничивающие публикации о судебных разбирательствах, противоречило бы эффективной защите и обеспечению свободы выражения мнения, в частности, свободы прессы. Независимо от уместности подобных положений, их применение должно находиться под особо строгим контролем во избежание ограничения свобод, существенных для функционирования демократического общества.

18. В заключение я считаю, что Большая Палата должна была согласиться с мнением Палаты Европейского Суда и установить нарушение пункта 1 статьи 10 Конвенции, учитывая, что внутригосударственные органы применили общий запрет на распространение информации, ограничив тем самым свободу прессы по вопросу, представляющему интерес для общества, и не обосновав в достаточной мере данное ограничение как попадающее в сферу применения права на свободное выражение мнения, гарантированного Конвенцией.

НЕСОВПАДАЮЩЕЕ ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ АННЫ ЮДКОВСКОЙ

«Свободная речь и справедливые судебные разбирательства – вот две самые лелеемые установки нашей цивилизации, и это неблагодарная задача – попытаться сделать выбор между ними».

Судья Блэк, дело «Бриджес (Bridges) против Калифорнии»¹

Когда дело, резко разделившее Палату Европейского Суда, передается на рассмотрение Большой Палаты, обычно это означает, что в разъяснении нуждаются какие-то важные принципы. Настоящее дело предоставило возможность нюансировать подход к сопоставлению противоречащих друг другу интересов средств массовой информации по информированию о ходе судебных разбирательства, с одной стороны, и интересов обвиня-

¹ 314 U.S. 260.

емого по защите его частной жизни и интересов правосудия, с другой стороны. Большинство судей решили, что при конкретных обстоятельствах настоящего дела последние интересы заслуживали преимущественной защиты.

Действительно, статья 10 Конвенции является единственным положением Конвенции, в которой упоминается об ответственности лица, осуществляющего гарантированное право. В настоящем деле большинство судей сослались на концепцию «ответственной журналистики», которая была выработана в прецедентной практике Европейского Суда и недавно кратко изложена в Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Пентикайнен против Финляндии». К сожалению, я не могу согласиться ни с мотивировкой, ни с выводами большинства судей.

8 сентября 2013 г. на мосту Гран-Пон произошла настоящая трагедия, в доли секунды унесшая жизни троих человек, и еще восемь человек получили серьезные повреждения. Для сравнительно небольшого городка это было очень заметное происшествие: фактически каждый горожанин, вероятно, был знаком с погибшими или их родственниками, а, может быть, находился на месте происшествия в тот момент, когда всё произошло. Желание любого человека узнать, что случилось с его соседями и почему граждане остались без защиты, было презрительно признано «нездоровым любопытством» Федеральным судом Швейцарии, вторившим Джорджу Бернарду Шоу в том, что «больше всего люди интересуются тем, что их совершенно не касается».

Трудно объяснить, почему суд решил, что «нельзя сказать, что население г. Лозанны получило коллективную травму, оправдывающую успокоение граждан и информирование их о ходе расследования». Подобная позиция лишает жителей г. Лозанны их права быть информированным о расследовании преступления, шокировавшего их. К моему разочарованию, большинство судей поддерживали данную мотивировку.

Большая Палата Европейского Суда упрекает заявителя в том, что он «не продемонстрировал, каким образом факт опубликования протоколов допросов, показаний супруги и врача обвиняемого и писем, которые обвиняемый отправлял следственному судье и которые касаются простых аспектов повседневной жизни лиц, находящегося под стражей, мог способствовать какой-либо публичной дискуссии по вопросу продолжавшегося расследования» (см. § 66 настоящего Постановления). Однако вполне естественно, что именно психическое состояние М.В. в момент совершения преступления (и то, как государственные органы оценивали данное состояние) интересовало общественность более всего. Поэтому не только медицинские показания, но и письма следственному судье, в которых он требовал опре-

деленных прав и привилегий, а также разъяснения членов семьи М.В. могли дать общественности некоторое представление об отношении М.В. к совершенному им преступлению.

Как отметил Верховный суд Соединенных Штатов Америки в решении по делу «Шеппард против Максвелла» (*Sheppard v. Maxwell*)¹, «пресса не просто публикует информацию о судебных разбирательствах, она охраняет от судебных ошибок, обеспечивая всесторонний общественный контроль и критику в отношении полиции, прокуроров и судебных разбирательств». По мнению судьи Бреннана (*Brennan*), «свободное и здоровое информирование, критика и дискуссии могут способствовать общественному пониманию принципа верховенства права и осознанию принципов функционирования всей системы уголовного правосудия, а также улучшать качество этой системы, подвергая ее очищению через выставление на суд общественности и обязанность отчитываться за свои действия»².

Сколь «простыми» бы не казались отдельные аспекты жизни обвиняемого под стражей, информация о них не позволяет производству «за закрытыми дверями» скатиться в пучину невежества или небрежности.

В веховом Постановлении по делу «“Санди Таймс” против Соединенного Королевства (№ 1)»³ Европейский Суд озвучил свою позицию относительно функции прессы как сторожевого пса:

«...Не только на средствах массовой информации лежит задача по распространению информации о вопросах, рассматриваемых судами; у общественности также есть право на ее получение».

Вмешательство в частную жизнь лица является неизбежным следствием этой функции сторожевого пса. Остается определить, не преступило ли рассматриваемое вмешательство допустимые пределы.

В § 50 настоящего Постановления Европейский Суд приводит свою прецедентную практику, в соответствии с которой пресса должна соблюдать определенные границы, в частности, когда речь идет о необходимости предотвращения разглашения информации, полученной в конфиденциальном порядке. Примечательно, что все перечисленные прецеденты, кроме одного, касались гражданского судопроизводства, инициированного в отношении заявителей, и во всех этих делах было установлено нарушение статьи 10 Конвенции со ссылкой на роль средств массовой

¹ 384 U.S. 333 (1966).

² Дело «Ассоциация “Небраска Пресс” против Стюарта» (*Nebraska Press Association v. Stuart*), 427 U.S. 593, (1976).

³ Постановление Европейского Суда по делу «“Санди Таймс” против Соединенного Королевства (№ 1)» (*Sunday Times v. United Kingdom*) (№ 1) от 26 апреля 1979 г., Series A, № 30, p. 38, § 65.

информации. Единственным исключением является Постановление Европейского Суда по делу «Тураншо и Жюли против Франции»¹, в котором с небольшим перевесом (четыре голоса «за» при трех – «против») Европейский Суд признал, что статья 10 Конвенции не была нарушена вынесением заявителю обвинительного приговора по факту опубликования материалов предварительного расследования до начала судебного разбирательства. Однако в этом деле в спорной публикации воспроизводилась информация, которая явно могла препятствовать дальнейшему движению дела, а именно выдержки из показаний, которые дал полиции и следственному судье один из обвиняемых, и комментарии другого обвиняемого (который нарисовал иную картину событий). Автор также утверждал, что более всего походила на истину версия одного из обвиняемых, и это мнение, разумеется, могло повлиять на присяжных.

В настоящем деле нет ничего подобного. Большинство судей согласилось с тем, что «в спорной статье открыто не высказывалось мнение о том, что обвиняемый действовал умышленно». Тем не менее Европейский Суд признал, что «крайне нелицеприятный портрет обвиняемого», описание «некоторых вызывающих беспокойство аспектов его личности» и вывод о том, что обвиняемый делал «всё, что в его силах, чтобы его нельзя было оправдать», могли негативно повлиять на дальнейшее производство по делу (см. § 69 настоящего Постановления).

Будучи не в состоянии согласиться с данным выводом, я всецело подписываюсь под словами Верховного суда Соединенных Штатов Америки, содержащимися в решении по делу «Шеппард против Максвелла»: «когда “нет угрозы или опасности для целостности судебного разбирательства”, мы последовательно требовали, чтобы у прессы имела свобода действий, даже несмотря на то, что иногда мы осуждаем ее стремление к сенсациям».

Большинство судей не предположили, что была подорвана целостность расследования, то есть опубликованная информация могла каким-либо образом создать препятствия для дальнейшего расследования в результате раскрытия информации, которую следовало скрыть, например, от другого обвиняемого или свидетелей для целей проведения надлежащего расследования. Вместо этого они использовали следующую крайне расплывчатую формулировку: «[опубликование статьи]... могло тем или иным образом повлиять на дальнейшее производство по делу, отразившись либо на работе следственного судьи, решениях представителей обвиняемого, позициях сторон, требующих возмещения убытков, либо на беспристрастности суда, рассматривающего дело». По-моему, неопределен-

ный потенциальный вред расследованию не мог служить основанием для вынесения журналисту обвинительного приговора по уголовному делу.

Что касается посягательства на право обвиняемого на защиту его личной жизни, то в настоящем деле меня поражает уровень патернализма, продемонстрированный государственными органами: не получив каких-либо жалоб от обвиняемого или членов его семьи на вмешательство в его частную жизнь, они возбудили уголовное дело в отношении заявителя, чтобы исполнить свои позитивные обязательства, предусмотренные статьей 8 Конвенции. В этой связи я абсолютно согласна с мнением Палаты Европейского Суда о том, что «обязанность обеспечения уважения частной жизни М.В. лежала прежде всего на нем самом» (см. § 56 Постановления Палаты Европейского Суда).

Однако Большая Палата Европейского Суда подчеркнула, что неясно, знал ли М.В. о спорной статье, и чувствовал ли он себя уязвимым (совершенно проигнорирован тот факт, что у него имелась супруга, которая также была упомянута в статье, но не сочла это вмешательством). Большинство судей пришли к экстраординарному выводу, расширив объем позитивных обязательств государства по статье 8 Конвенции настолько, что государственные органы «не смогли просто ждать, когда М.В. проявит инициативу и предъявит гражданский иск к заявителю», и инициированное ими уголовное преследование заявителя в целях защиты частной жизни лица, которое не хочет, чтобы его защищали, является совершенно оправданным при данных обстоятельствах. Следует напомнить, что Европейский Суд последовательно признавал, что позитивное обязательство государства по статье 8 Конвенции *может* распространяться на вопросы эффективности производства по уголовному делу, *когда речь идет о серьезных деяниях, и на кону стоят фундаментальные ценности и существенные аспекты частной жизни*. В то же время для менее серьезных деяний с участием частных лиц, даже при посягательстве на психологическую неприкосновенность, обязательство государства по статье 8 Конвенции не всегда требует применения уголовного законодательства, если достаточная защита может быть обеспечена гражданско-правовыми средствами защиты (см. обзор соответствующей прецедентной практики в Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Сёдерман против Швеции», §§ 75–78).

Настоящее дело не только не касалось физической или психологической неприкосновенности М.В., но и из его частной жизни заявителем не было раскрыто чего-либо настолько сверхинтимного, что было бы оправданным привлечение заявителя к уголовной ответственности.

Что касается позитивных обязательств по статье 8 Конвенции, большинство судей сослалось на Постановление Европейского Суда по делу «Кракси

¹ Постановление Европейского Суда по делу «Тураншо и Жюли против Франции» (Tourancheau and July v. France) от 24 ноября 2005 г., жалоба № 53886/00, § 65).

против Италии (№ 2)». Однако это дело касалось позитивных обязательств по расследованию того, каким образом была раскрыта конфиденциальная информация. В настоящем деле позитивные обязательства также требовали проведения расследования обстоятельств утечки, но едва ли они требовали применения уголовного наказания к журналисту, использовавшему результаты этой утечки.

По-моему, возбужденное уголовное дело можно было рассматривать как чрезмерную реакцию государственных органов в отсутствие гражданского иска со стороны потерпевшей стороны.

В этой связи следует отметить, что при проведении классической трехступенчатой проверки соразмерности вмешательства Европейский Суд, убедившись в том, что способ вмешательства был надлежащим (*Eignung*), должен оценить необходимость вмешательства (*Erforderlichkeit*) и проверить возможность применения менее ограничительной меры и лишь после этого приступить к установлению баланса между целью и последствиями применения соответствующей меры (*Zumutbarkeit*). В настоящем деле проверка не проходит дальше второго этапа, поскольку органы власти государства-ответчика не оценили возможность достижения желаемого эффекта при помощи менее серьезного вмешательства, чем привлечение к уголовной ответственности; другими словами, они не выяснили, могли ли иные меры смягчить предполагаемые нежелательные последствия публикации.

В Решении по делу «Ассоциация “Небраска Пресс” против Стюарта»¹ Верховный суд Соединенных Штатов Америки рассмотрел проблему применения к прессе предварительных ограничений, запрещающих досудебное опубликование такой информации, как наличие или содержание признательных показаний обвиняемого. Оценивая соответствующее вмешательство, Верховный суд Соединенных Штатов Америки признал, что для защиты гарантий справедливого судебного разбирательства, предоставленных обвиняемому, суды могут применить меры менее ограничительного характера, но интересы защиты свободы прессы требовали, например, изменения места судебного разбирательства, предоставления недвусмысленных инструкций присяжным заседателям, изолирования присяжных заседателей, ограничения права адвокатов, лиц, участвующих в деле, свидетелей, работников судов и т.д. на дачу внесудебных показаний. Сколь дорогими и времезатратными не были бы эти меры, они достигли бы цели обеспечения гарантий справедливого судебного разбирательства и защиты присяжных заседателей от внешнего влияния, не вмешиваясь чрезмерно в свободу прессы.

Наконец, любое уголовное наказание неизбежно имеет «сдерживающий эффект», и тот факт, что

заявитель не отбывал условно назначенное ему наказание в виде лишения свободы сроком на один месяц, которое впоследствии было заменено на более мягкое наказание в виде штрафа, не меняет данного положения дел.

В целом я считаю, что заявитель стремился принять участие в общественной дискуссии по вопросу, вызывавшему серьезную озабоченность у общественности, а именно по вопросу о ходе производства по уголовному делу, за которым жители г. Лозанны хотели следить не ввиду «нездорового любопытства», а для того, чтобы преступление не осталось безнаказанным. Несоразмерный ответ органов власти государства-ответчика в форме привлечения к уголовной ответственности представлял собой нарушение статьи 10 Конвенции.

Примерно 120 лет назад выдающийся русский юрист Иван Яковлевич Фойницкий сказал²:

«Благодаря гласности сохраняется постоянный обмен мнений между судьями и остальным обществом, вследствие чего юстиция не утрачивает связь с жизнью.

Для граждан, по меткому замечанию Бентама, не столько важно иметь суд, изрекающий безусловную истину, сколько быть убежденным в том, что их суд прав и хорош. А это общественное убеждение в достоинстве суда возможно под тем лишь условием, чтобы каждый шаг судебной деятельности был известен обществу»³.

Более века спустя Комитет министров Совета Европы указал, что «общественность должна иметь возможность получать через средства массовой информации информацию о деятельности органов судебной власти и полицейских служб. Следовательно, журналистам должна быть предоставлена возможность свободно освещать и комментировать деятельность системы уголовного судопроизводства»⁴ при соблюдении определенных ограничений.

Европейский Суд всегда рассматривал прессу как слугу эффективной судебной системы и почти не оставлял пространства для ограничения свободы выражения мнения в таких вопросах, как общественный интерес в надлежащем отправлении правосудия. На мой взгляд, настоящее Постановление является достойным сожаления отступлением от давно выработанной позиции.

² Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства в 2-х томах. Т. 1. СПб., 1898. С. 96–97.

³ С указанной работой И.Я. Фойницкого можно ознакомиться по адресу: <http://civil.consultant.ru/reprint/books/289/117.html> (примеч. переводчика).

⁴ См. Рекомендацию № Rec(2003)13 Комитета министров Совета Европы государствам-участникам о предоставлении через СМИ информации относительно уголовных процессов, см. § 21 настоящего Постановления.

¹ 427 U.S. 593, (1976).